1812

ИЗДАНІЕ

„КАЗАНСКОЙ ГАЗЕТЫ“.

1812

...Годъ, запечатлѣнный кровью,
Когда подъ заревомъ кремля,
Пылая местью и любовью
Возстала русская земля.

Князь П. А. Вяземскій.

Военно-историческій очеркъ Н. В. КОЛЕСНИКОВА, съ предисловіемъ и очеркомъ народнаго ополченія въ Казанской губерніи Е. ГЕРНА.

Изданіе „Казанской Газеты", Казанскаго Губернскаго Земства.

КАЗАНЬ.
Типографія Д. М. Гранъ, Б.-Проломная
1912.

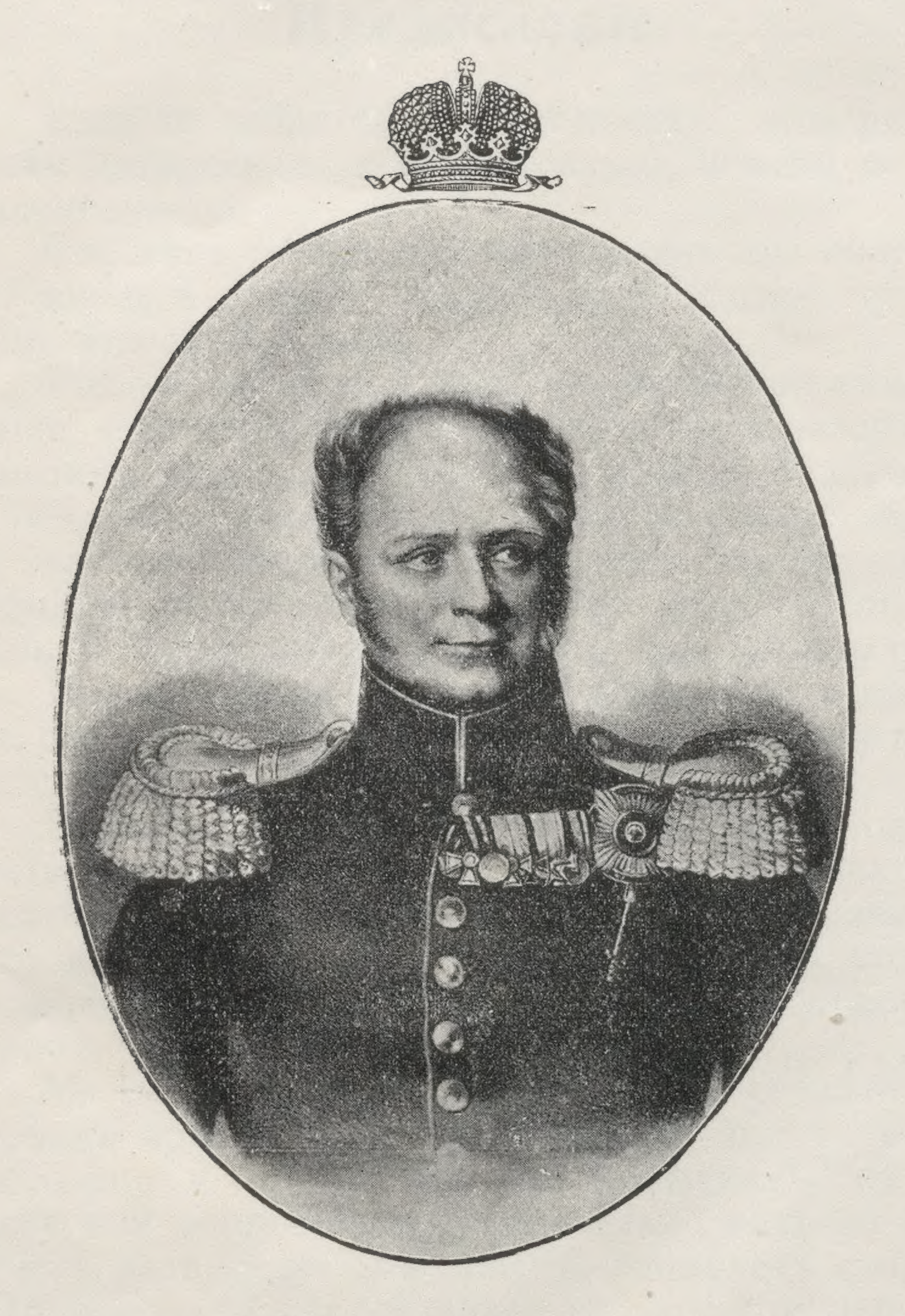

1912

Императоръ Николай II
Самодержецъ Всероссійскій.

1812

Императоръ

Александръ I Благословенный.

Предисловіе.

Едва ли найдется въ лѣтописяхъ міра исторія болѣе интересная и поучительная, нежели исторія Наполеона.

Ста лѣтъ не прошло еще со дня его смерти, а его жизнь и дѣянія кажутся волшебными страницами чудесной сказки.

Родившись въ скромной корсиканской семьѣ въ Аячіо, еще въ 1793 году незамѣтный артиллерійскій капитанъ—путемъ геніальнаго военнаго дарованія и блестящихъ дипломатическихъ способностей, онъ въ два года достигаетъ положенія командующаго парижскими войсками, въ четыре года—поста консула, въ одиннадцать лѣтъ—Императорскаго трона!

Прежній сторонникъ республиканскаго правленія, соратникъ кровожаднаго Робеспьера[1]), онъ объявляетъ себя неограниченнымъ монархомъ.

Подавляя всякую общественную самостоятельность, ссылая и казня своихъ противниковъ, закрывая десятки газетъ, дабы заглушить голосъ общественнаго мнѣнія, онъ не стѣсняясь распоряжается въ Европейскихъ государствахъ, какъ въ собственномъ дворцѣ.

Маленькій скромный корсиканецъ смѣщаетъ на тронахъ прирожденныхъ Государей, диктуетъ свои требованія и при малѣйшихъ попыткахъ къ протесту или сопротивленію - является самъ во главѣ своихъ великолѣпныхъ войскъ, занимаетъ столицы, разрушаетъ города, оставляя на своемъ пути потоки крови и полчище труповъ.

Онъ не знаетъ предѣла своимъ желаніямъ.

Счастливый баловень судьбы, онъ не вѣдаетъ преграды своимъ требованіямъ.

---

[1]) Робеспьеръ одинъ изъ выдающихся дѣятелей французской революціи. Располагая диктаторской властью, онъ широко пользовался ею для кровавыхъ расплатъ со всѣми кого считалъ противниками возстанія.

«Я захочу и сотру Пруссію съ лица Европы»— говоритъ онъ.

И слова его—не шутка, не бахвальство.

Земной богъ онъ и въ самомъ дѣлѣ держитъ въ рукахъ короны государей, спокойствіе странъ и жизнь милліардовъ людей.

По его слову рушатся державы и падаютъ на плаху герцогскія головы.

Единымъ движеніемъ пера онъ громитъ вѣковыя основы:

Сегодняшній рядовой—завтра министръ.

Сегодняшній король—завтра ничто.

Его милость—даетъ могущество, власть и почести.

Его гнѣвъ—нищету, гибель и позоръ.

За его улыбку и взглядъ охотно жертвовали жизнью.

Его геній прославляли поэты, и музыканты посвящаютъ ему свои пѣсни.

—„Не сотвори себѣ кумира“, сказано въ писаніи.

Но не вѣдаетъ препонъ гордый полу-богъ и, сдѣлавшись властителемъ прекрасной Франціи, покоривъ половину Европы—онъ не покидаетъ мысли о владычествѣ міра.

Свою прихоть дѣлаетъ онъ кумиромъ.

Свое властолюбіе—закономъ.

Французы по самой природѣ своей-легкомысленны.

Военные успѣхи храбраго монарха восхищали ихъ; славныя побѣды воодушевляли ихъ національную гордость и они радостно привѣтствовали свои новыя завоеванія, забывая, что послѣднія покупаются цѣною крови, цѣною жизни многихъ тысячъ людей.

Судьба дала Наполеону геніальность полководца.

Дала ему *великую* власть.

Онъ захотѣлъ большаго.

—«Пусть Богъ владыка неба—я владыка земли!»

Но гордый полководецъ забылъ, что «нѣтъ власти, аще не отъ Бога», и поднявши мечъ свой

противъ Высшей Воли, онъ самъ погибъ отъ меча своего.

Въ тщеславныхъ помыслахъ завоеванія міра, онъ покорилъ почти всѣ государства Европы. Одна лишь Россія и Англія остались ему неподвластными. Правда въ 1805 и 1807 годахъ мы воевали съ Наполеономъ и воевали неудачно, но для Россіи эти войны большого значенія не имѣли такъ какъ мы боролись не за свою самостоятельность, а лишь поддерживая угнетаемыхъ сосѣдей: Австрію и Пруссію.

Побѣды Наполеона подъ Аустерлицемъ, Пренсишъ-Эйлау и Фридландомъ—заставили насъ отказаться отъ борьбы,

Былъ заключенъ миръ въ Тильзитѣ, миръ для насъ крайне невыгодный.

Наполеонъ увѣрилъ Императора Александра, что желаетъ дружбы съ Россіей, но потребовалъ помощи для покоренія царицы морей—Англіи.

Россія должна была прекратить съ ней торговыя сношенія и тѣмъ ослабить ея могущество.

Однако покоривъ Англію, Наполеонъ, конечно, не пощадилъ бы и Россіи.

Императоръ Александръ прекрасно понялъ это и уже съ 1910 году стремился освободиться отъ послѣдствій Тильзитскаго мира.

Запретивъ ввозъ въ Россію французскихъ предметовъ роскоши, онъ дозволилъ ввозъ англійскихъ товаровъ въ томъ случаѣ если они провозились подъ нейтральнымъ флагомъ. [1])

Наполеону эта не понравилось и онъ рѣшилъ разъ навсегда покончить съ Россіей.

Собравъ войска онъ вывелъ ихъ изъ Франціи и безъ объявленія войны переправился черезъ Нѣманъ.

Такъ началась великая война 1812 года.

Воюя съ русскими и ранѣе. Наполеонъ мыслилъ увидѣть въ нихъ лишь храбрыхъ солдатъ и добле-

---

1) Т. е. флагомъ державъ не воюющихъ съ Франціей.

стныхъ полководцевъ, но уже дойдя до Смоленска, безумецъ понялъ свою роковую ошибку.

Не съ одними ядрами и пулями придется имѣть ему дѣло, но съ подъемомъ духа народнаго, съ тѣмъ великимъ, неугасимымъ подъемомъ, что неизмѣнно объединялъ Россію въ годины ея наивысшихъ страданій.

Привыкшій убивать плоть—забылъ о безсмертіи духа.

Но какъ одинъ человѣкъ поднялась Русь. Съ крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ вышелъ великій народъ навстрѣчу врагу, принеся въ жертву отечеству богатства своихъ полей, сокровища городовъ, священныя стѣны Московскаго кремля и самую жизнь свою.

Духъ народный столкнулся съ вражеской плотью и побѣдилъ ее—И изъ полумилліонныхъ полчищъ „дванадесяти языковъ" въ предѣлахъ родины не осталось единаго вооруженнаго воина...

Со времени Отечественной войны звѣзда великаго завоевателя быстро пошла къ закату.

Вслѣдъ за Наполеономъ и русскія войска вышли за предѣлы родины.

Вся Европа вооружилась противъ тирана и Наполеонъ послѣ ряда кровопролитныхъ битвъ былъ принужденъ отречься отъ престола.

Въ 1813 году русскія войска вступили въ Парижъ и Императору Александру I, какъ избавителю народовъ отъ владычества Наполеона, было даровано названіе „Благословеннаго".

Сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ.

Еще свѣжи преданія великой войны, еще имѣются въ живыхъ свидѣтели пережитыхъ событій.

Сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но еще не померкла слава величайшаго полководца міра, блиставшая столь яркимъ солнцемъ надъ высотами Аустерлица и столь скорбно закатившаяся въ холодныхъ снѣгахъ Россіи.

Нѣкогда, эта слава, вѣрная спутница и вѣрная раба невиданнаго генія возбуждала паническій ужасъ народовъ.

Нынѣ, когда прахъ исполина, придавленный тяжестью саркофага[1]) Парижскаго Пантеона,[2]) превратился въ ничтожнѣйшую пыль—рука сѣдого времени стерла всю ненависть, всю минувшую злобу и его исторія словами безсмертія вписана въ страницы міровой правды, мірового страданія.

Сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но *памяти нашей священны великіе подвиги народныхъ героевъ.*

Изъ тьмы годинъ встаютъ передъ нами ихъ славные образы и, Ты, Бѣлый Орелъ страны полночной, Святой, Благословенный Царь!

Слава Вамъ спасителямъ отечества!

Вѣчная память благодарныхъ сыновъ!

Глава I.

„Наступленіе".

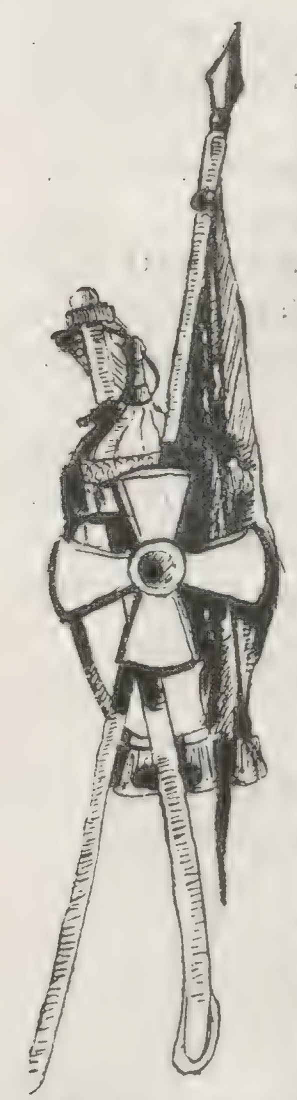
Въ іюнѣ 1812 года во главѣ 600,000 отборнаго войска, составлявшаго цвѣтъ населенія западной Европы Наполеонъ подошелъ къ Русской границѣ. Въ своемъ знаменитомъ приказѣ онъ говорилъ: „Солдаты, Россія увлекается неизбѣжнымъ рокомъ, она не избѣгнетъ судьбы своей. Впередъ! Перейдемъ черезъ Нѣманъ, внесемъ оружія въ предѣлы Россіи!" 12-го іюня Императоръ Наполеонъ съ блестящей свитой выѣхалъ на берегъ рѣки Нѣманъ.

На высокомъ обрывѣ онъ слѣзъ съ коня и, окруженный маршалами, остановился, разсматривая катившую широкія голубыя волны могучую рѣку и цѣлое море покорной каждому его слову арміи. Вдали тихо качались наведенныя нити мостовъ... Казалось одно мгновеніе какое-то раздуміе набѣжало на черты императора, но это было только мгновеніе и отрывистымъ жестомъ онъ махнулъ рукой; тотъ часъ же гдѣ-то крякнула пушка. Красивыя линіи войскъ

---

1) Саркофагъ—Гробница.

2) „Пантеонъ"—въ переносномъ смыслѣ—зданіе посвященной памяти выдающихся людей: „Храмъ Славы".

дрогнули и потянулись къ мостамъ; въ это время адъютантъ, почтительно наклонившись къ императору, сообщилъ, что командиръ польскаго уланскаго полка проситъ разрѣшенія переправиться уланамъ вплавь на глазахъ у своего императора. Наполеонъ устало кивнулъ головой и цѣлый полкъ, оглашая небо громовыми криками: „Да здравствуетъ Императоръ!“, пронесся какъ буря къ рѣкѣ, потонулъ въ ее голубыхъ водахъ и хотя были посланы лодки, противоположнаго берега достигло только нѣсколько десятковъ смѣльчаковъ. Но эти безпредѣльно преданные-безумно храбрые солдаты, уносимые крутящейся рѣкой, все еще оглашали воздухъ громовыми раскатами: „да здравствуетъ Императоръ!“, а тамъ, вдали по мостамъ, уже тянулась пѣхота, громыхала артиллерія, поблескивая орудіями, побѣдно шелестѣли знамена съ орлами, распростершими хищныя крылья, и нетерпѣливо ржали тысячи коней блестящей конницы. Такъ совершилось неизбѣжное. Съ этого момента началась знаменитая въ нашей исторіи отечественная война.

Русскій Императоръ Александръ I могъ собрать и противопоставить не болѣе 200,000 войскъ, да и то раздѣленнаго на двѣ арміи, которыя сразу оказались оторванными другъ отъ друга. Первой арміей, сосредоточенной въ Виленской губерніи, командовалъ военный министръ Барклай-де-Толли, а второй, находившейся въ Гродненской губерніи, командовалъ князь Багратіонъ. Генералъ Барклай-де-Толли былъ однимъ изъ выдающихся военноначальниковъ того времени: человѣкъ высоко образованный, свѣдующій и опытный; онъ отлично понималъ, что сопротивляться геніальнѣйшему полководцу, каковымъ былъ Наполеонъ, съ такой малой арміей крайне рисковано и поэтому стоялъ на увлеченіи непріятеля въ глубь страны. Другой, командующій князь Багратіонъ, герой Австрійской компаніи 1807 г., былъ ученикомъ и соратникомъ Суворова; цѣлая вереница блестящихъ подвиговъ была совершена имъ во время итальянскаго похода, когда Суворовъ при императорѣ Павлѣ I громкими побѣдами при Требіи, и занятіемъ цѣлаго ряда итальянскихъ крѣпостей, а также знаменитымъ Швейцарскимъ походомъ облекъ еще невиданной славой россійскіе полки.

Съ Наполеономъ перешло границу Россіи 600 тысячъ войска, въ числѣ которыхъ кромѣ французовъ были италь-

Наполеонъ I-й императоръ французовъ.

Наполеонъ.

Не сила народовъ тебя подняла,
Не воля чуждая вѣнчала:
Ты мыслилъ и властвовалъ, жилъ, побѣждалъ,
Ты землю желѣзной стопой попиралъ.
Главу самозданнымъ вѣнцомъ увѣнчалъ,
Помазанникъ собственной силы!
Не сила народовъ повергла тебя,
Не всталъ тебѣ равный соперникъ,
Но Тотъ, Кто предѣлы морямъ положилъ
Въ побѣдномъ бою твой булатъ сокрушилъ.
Въ пожарѣ святомъ твой вѣнецъ растопилъ
И снѣгомъ засыпалъ дружины.
Скатилась звѣзда съ омраченныхъ небесъ,
Величье земное во прахѣ...

Хомяковъ.

янцы, баварцы, саксонцы, поляки, вестфальцы, виртембергцы, баденцы, пруссаки, австрійцы. „Великая армія“ раздѣлялась на гвардію, двѣнадцать пѣхотныхъ корпусовъ и 4 корпуса кавалеріи. Такимъ образомъ армія Наполеона обладала численнымъ превосходствомъ и во главѣ ея стоялъ великій полководецъ, военный геній котораго признавался всѣми. Правда, половина этой арміи была составлена изъ народовъ, которыхъ увлекалъ за собой геній Наполеона и которые не знали за что будутъ драться, но за то другая большая половина были французы. Знамена ихъ полковъ видѣли славу Египетскаго похода, славу Ваграма, Іены, Аустерлица, Моренго. Солдаты были еще тѣми испытанными посѣдѣлыми въ бояхъ львами, для которыхъ Императоръ и родина были все. „Каждый солдатъ носитъ въ своемъ ранцѣ маршальскій жезлъ“, говорилъ Императоръ, и это была правда: такъ какъ всѣ знали, что великолѣпный начальникъ кавалеріи, король Неаполитанскій былъ сыномъ трактирщика, самъ Императоръ простымъ артиллерійскимъ поручикомъ; Лефевръ—рядовымъ солдатомъ, Онсеро—сыномъ лакея, Ней сыномъ ремесленника и всѣ эти маршалы достигли своей славы и положенія исключительно на поляхъ сраженій. Наконецъ отношенія офицеровъ и солдатъ были чисто товарищескія.

После одной изъ блестящихъ аттакъ императоръ, благодаря кирасировъ, обнялъ и поцѣловалъ передъ фронтомъ ихъ генерала Откуля; этотъ послѣдній кричитъ: „Чтобы показать себя достойнымъ такой чести, мнѣ слѣдуетъ умерать за ваше величество!“—и сдерживаетъ слово на другой день въ сраженіи при Эйлау.

Старый гренадеръ, участвовавшій въ египетскихъ и итальянскихъ походахъ является во время раздачи крестовъ Почетнаго легіона и требуетъ себѣ крестъ. „Но что же ты сдѣлалъ,—говоритъ императоръ.—чтобы заслужить подобную награду?“—„Я? Въ Яффской пустынѣ, ваше величество, въ страшную жару подалъ вамъ арбузъ“.—„Еще разъ спасибо! но этотъ арбузъ не стоитъ креста Почетнаго легіона“. Тогда солдатъ кричитъ во-всю: „А! Такъ вы считаете за ничто семь ранъ, полученные на Аркальскомъ мосту, при Лоди, Костильонѣ, при пирамидахъ, Сенъ-Жанъ-Д'Акрѣ, Аустерлицѣ, Фридландѣ, 11 компаній въ Италіи, въ Египтѣ, Австріи, Пруссіи, Польшѣ въ ......“. Но Императоръ прерываетъ стараго солдата: „Те-те-те! Какъ ты разсердился, дойдя до самаго главнаго—съ этого-то и слѣдовало начать; и лично, снявъ со своей груди крестъ, нацѣпилъ старому ворчуну. Императоръ былъ кумиромъ своего войска; за его одну улыбку, ласковое слово, добродушную шутку, солдатъ, офицеръ, генералъ охотно жертвовали жизнью. Такъ вотъ какова была та „великая армія“, которая стальнымъ

лѣсомъ штыковъ, какъ грозная туча двигалась на нашу матушку Русь. Русская армія того времени будучи сравнительно немногочисленной, тѣмъ не менѣе представляла изъ себя грозную силу. Въ ея рядахъ были еще соратники великаго Суворова; знаменитые „чудо-богатыри".

Если французы шли за славой въ туманъ будущаго, то каждый нашъ солдатъ сознавалъ, что за его спиной стоитъ вся Русь, трепетно слѣдящая за каждымъ шагомъ борьбы.

Исходъ борьбы—рѣшалъ участь націи и высокопоставленный вельможа, наряду съ бѣднякомъ столпились около своего государя, готовые отдать все на алтарь отечества. Сыпались рѣкою пожертвованія, шли добровольцы, двигались полки ратниковъ, а между тѣмъ съ Наполеономъ шла только его армія, состоявшая наполовину изъ ненадежныхъ иностранцевъ, тогда какъ Франція оставалась почти равнодушной.

Наполеону приходилось бороться съ нашимъ героемъ-солдатомъ не только на поляхъ сраженія, нѣтъ, онъ дѣйствительно встрѣтилъ въ каждомъ дворянинѣ—Пожарскаго, въ каждомъ гражданинѣ—Минина и въ каждомъ духовномъ—Палицына. Въ странѣ, по которой ему пришлось двигаться, у него не было друзей, а были только враги и когда счастье повернулось къ капризному баловню спиной, цѣлыя тысячи вооруженныхъ вилами, косами мужиковъ и, даже бабъ обрушилось на его отряды, но объ этомъ мы поговоримъ потомъ. Искустно подготовляясь къ кампаніи, Наполеонъ упустилъ изъ виду, что онъ боролся не съ арміей, а съ народомъ. И въ этомъ разгадка - его пораженія и первые шаги къ погибели славы и трона.

Глава II.

„Въ Москву!"

Наши лучшіе военные люди того времени совѣтовали воспользоваться грандіознымъ театромъ войны и отходя завлекать громадную армію Наполеона вглубь, которая естественно, занимая города съ каждымъ днемъ, будетъ все таять и таять а главная сила завоевателя, заключавшаяся въ его дѣятельности, рѣшительности, и стремленіи къ быстрой развязкѣ посредствомъ боя, сведется къ нулю.

Было предложено сформировать три арміи; при чемъ двѣ должны были находиться сѣвернѣе полѣсья, куда будетъ наступать Наполеонъ. Одна изъ этихъ армій, (а именно первая) должна была отступать, а другая (вторая) зайти въ тылъ противника. Для первой арміи на р. Двинѣ въ Дриссѣ былъ приготовленъ укрѣпленный лагерь. Такимъ образомъ

къ началу компаніи 1-ая (западная) армія Барклая въ составѣ 6 пѣх. и 3 кав. корпусовъ и казаковъ всего 127 т. ч. при 550 орудіяхъ расположилась около Вильны; 2-ая (западная) армія Багратіона изъ 2 пѣх. и 1 кав. корпуса и казаковъ всего 40 т. ч. при 216 орудіяхъ расположилась

Князь Барклай де-Толли.

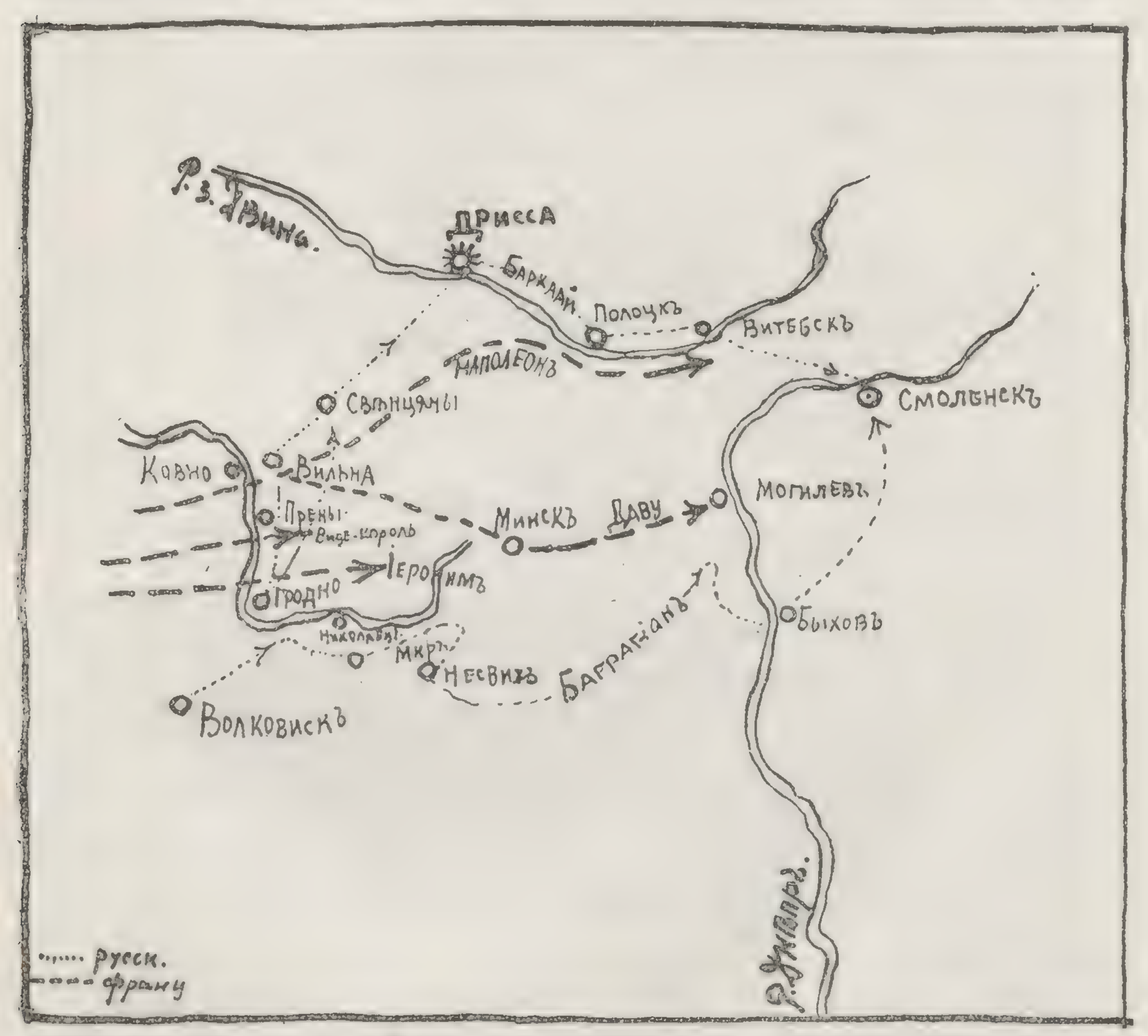
около Волковыска, оставляя между собой и первой арміей промежутокъ въ 100 верстъ. 3-ья западная армія Тормасова изъ 3 пѣх. 1 кав. и казак. всего 43 т. ч. при 168 орудіяхъ была въ Волынѣ, имѣя главную квартиру въ Луцкѣ. Въ Москвѣ формировалась 27 пѣх. дивизія Невѣровскаго около

9 т. ч. и вторые батал. пѣх. и запасн. эскадр. кавал. полковъ всего до 30 т. человѣкъ. Наполеонъ, готовясь къ войнѣ посредствомъ хорошо организованнаго шпіонства, получилъ точныя свѣдѣнія о всѣхъ приготовленіяхъ Россіи и о всѣхъ предположеніяхъ Александра. Онъ самъ сидѣлъ надъ картами, изучая театръ войны и прежніе походы, главнымъ образомъ Шведскій походъ Карла XII. Наполеонъ говорилъ: „Если я возьму—Кіевъ—я возьму Россію за ноги; если я овладѣю Петербургомъ, я возьму ее за голову; занявъ Москву, я поражу её въ сердце".

Для этой цѣли Наполеонъ раздѣлилъ свою громадную армію на 3 части. 1) Два пѣхотн. и одинъ кавал. корпусъ всего 80 т. ч. подъ начальствомъ вице-короля Евгенія должны были врѣзаться клиномъ между нашими 1 и 2 арміями и не давать имъ соединиться 2) Гвардія, 3 пѣхотн. и 2 кавал. корпуса всего 220 т. ч. подъ начальствомъ самого Наполеона составляли лѣвое крыло и двигались противъ нашей первой арміи. 3) 3 пѣх. и 1 кав. корпусъ всего 80 т. ч. подъ начальствомъ короля Вестфальскаго Іеронима (братъ Наполеона), составляя правое крыло, должны были дѣйствовать противъ нашей 2 арміи; кромѣ того на лѣвомъ флангѣ былъ корпусъ маршала Макдональда, который шелъ на Ригу, а на правомъ флангѣ, противъ нашей третьей арміи былъ корпусъ Шварценберга. 12-го іюня 1812 года лѣвая группа Французской великой арміи безъ всякаго предварительнаго объявленія войны силою въ 250 т. ч. перешла рѣку Нѣманъ близъ Ковно и 14 іюня Наполеонъ двинулся къ Вильнѣ. Первая наша армія стала отходить къ Свѣнцянамъ, вторую—было рѣшено присоединить у Дриссы; третью же оставили для дѣйствій съ тыла, но было уже поздно: Наполеонъ 16 іюня занялъ Вильну и тѣмъ окончательно разъединилъ 1 и 2 арміи. Вице-король Евгеній уже подходилъ къ Пренамъ и Вильнѣ, а Іеронимъ къ Гроднѣ. Наполеонъ спѣшилъ воспользоваться численнымъ превосходствомъ и разбить въ отдѣльности Барклая и Багратіона. Для этаго онъ выдѣлилъ 150 т. изъ лѣваго крыла и подъ начальствомъ Мюрата, направилъ за Барклаемъ, приказавъ обходить его лѣвый флангъ, а 40 тысячъ подъ командой Даву и Іеронима направилъ противъ Багратіона; при чемъ Іеронимъ долженъ былъ угрожать съ фронта, а Даву не допускать соединенія съ 1 арміей. Армія Барклая 18 іюня, выйдя изъ Свѣнцянъ, 26 прибыла въ Дриссу. Слѣдомъ за ней двигался Мюратъ, пробираясь къ Полоцку, чтобы отрѣзать отъ 2 арміи, но государь понялъ опасность и приказалъ оставить въ Дриссѣ корпусъ Витгенштейна, всей же арміи двигаться на Витебскъ, чтобы соединиться со 2 арміей и стать на пути къ Москвѣ. Барклай выступилъ 4-го, а уже 6 былъ въ Полоцкѣ между тѣмъ какъ французы, начавъ свое дви-

женіе къ Полоцку лишь 10-го, отстали и тѣмъ самымъ дали намъ выиграть время. Наполеонъ, разбранивъ Мюрата за медлительность, самъ двинулся на Витебскъ, гдѣ рѣшилъ предупредить Барклая.

Между тѣмъ послѣдній усиленнымъ маршемъ двигался на Витебскъ и, выдвинувъ къ Бѣшенковичамъ три послѣдовательныхъ аріергарда (Остермана-Толстого, Коновницына и Палена), три дня задерживалъ ими французовъ на протяженіи 20 верстъ и, получивъ извѣстіе, что 2 армія

Карта наступленія.

двигается къ Смоленску, самъ отошелъ на Смоленскъ, гдѣ наконецъ и соединился съ Багратіономъ. Дѣла во 2-ой арміи, отрѣзанной отъ первой, были гораздо хуже и она съ гораздо большимъ трудомъ достигнула Смоленска, такъ какъ Маршалъ Даву энергично повелъ дѣло. Багратіонъ, получивъ приказаніе присоединиться, изъ Вылковиска пошелъ къ Николаеву, гдѣ встрѣтился съ Даву; считая свои силы меньшими и опасаясь нападенія Іеронима онъ свернулъ на

Миръ и хотѣлъ итти черезъ Минскъ, но когда онъ подошелъ къ Нов. Сверженю, то узналъ, что Даву уже занялъ Минскъ; ничего не оставалось, какъ итти на Могилевъ, но армія была такъ утомлена, что пришлось въ Несвижѣ отдохнуть, оставивъ Платова съ казаками у д. Миръ, гдѣ онъ встрѣтился съ конницей Іеронима; 27 и 28 іюня произошло два блестящихъ кавалерійскихъ боя, окончившихся побѣдою казаковъ.

28-го іюня Багратіонъ двинулся дальше и 6 іюня оставилъ Березину за собой, сосредоточившись у Бобруйска. Дальше онъ предполагалъ двинуться черезъ Могилевъ, Оршу на Витебскъ, но Даву опять его предупредилъ, занявъ 9 іюля Могилевъ. Подойдя къ Быховкѣ, онъ рѣшилъ силою пробиться на Могилевъ для чего войсками 7 корпуса Раевскаго атаковалъ Даву у Салтановки; численное превосходство французовъ лишило Раевскаго успѣха, но прикрываясь демонстраціями Раевскаго и Платова, Багратіону все же удалось прибыть въ Смоленскъ 22 іюля. Такимъ образомъ планъ Наполеона разъединить наши арміи, врѣзавшись въ нихъ клиномъ, и разбить каждую по одиночкѣ не увѣнчался успѣхомъ. Наши арміи соединились, сдѣлавши одна 500, а другая 750 верстъ въ 38 дней, сохраняя полный порядокъ и горя желаніемъ сразиться съ ненавистнымъ врагомъ. Ни потерь, ни отсталыхъ почти не было и въ результатѣ двѣ побѣды у Мира и удачные бои аріергардовъ; что же касается „Великой арміи“ то она уже потеряла около $^1/_3$ отсталыми и больными и пришла въ такое разстройство, какъ въ матеріальной части, такъ и въ отношеніи дисциплины и духа, что Наполеонъ былъ принужденъ дать ей отдыхъ.

Въ то время, когда между нашими разобщенными арміями и Наполеономъ шла борьба, на югѣ генералъ Тормасовъ удачно удерживалъ 40 тысячные корпуса Шварценберга и Ренье, отвлекая и приковывая ихъ къ себѣ; на сѣверѣ же Витгенштейнъ съ 25 т. ч. удачно дѣйствовалъ противъ двухъ корпусовъ Удино и С.-Сира силой въ 33 т. ч., которые имѣли задачу отрѣзать его отъ Петербурга и помочь Макдональду, застрявшему у Риги и Динабурга. Государь Александръ, Багратіонъ и нѣкоторые генералы предполагали воспользоваться разбросанностью и ослабленіемъ французовъ и перейти въ наступленіе. Барклай де Толли, хотя и считалъ послѣднее преждевременнымъ, подчинился верховной волѣ и имѣя въ авангардѣ Платова 26-го іюля двинулся тремя колоннами къ Руднѣ, гдѣ расположилась Великая армія (между Витебскомъ, Суражемъ и Могилевомъ), для прикрытія же Смоленска слѣва и дороги на Москву была выслана къ Красному дивизія Невѣровскаго съ драгунскимъ и 3 казачьими полками. 27 іюля лихой атакой у Малева Болота Платовъ разбилъ на голову

большой конный отрядъ французовъ; противникъ зашевелился и дрогнувъ отошелъ по всему фронту оставивъ лишь отрядъ у Порѣчья. Боясь что Наполеонъ, сосредоточивъ всю свою армію у Порѣчья, обойдетъ наши войска справа и отрѣжетъ отъ Смоленска, Барклай перевелъ всѣ войска съ руднинской дороги на порѣчинскую, но, не найдя никого въ Порѣчьѣ, вновь перешелъ на рудненскую дорогу. Потерявъ на эти безполезныя передвиженія пять дней, онъ только

Князь Багратіонъ.

1 августа вновь сталъ на рудненской дорогѣ и при томъ поставивъ 1-ую армію въ 40, а 2-ую въ 12—30*) верстахъ отъ Смоленска, Наполеонъ геніально воспользовался этими пятью днями и, собравъ къ своему правому флангу къ 1 августа у Расасны и Хомина 190 т. ч., двинулся къ Смоленску съ цѣлью обойти нашъ лѣвый флангъ и захватить съ тылу Смоленскъ.

---

*) Одинъ корпусъ въ 12, а другой въ 30 верстахъ.

Дѣйствительно въ полдень 2 августа французы подошли къ Красному, находящемуся въ 47 верстахъ отъ Смоленска, но встрѣтили здѣсь дивизію Невѣровскаго. Дивизія Невѣровскаго почти вся состояла изъ новобранцевъ, только что взятыхъ отъ сохи и недавно обученыхъ, но самъ Невѣровскій былъ одинъ изъ тѣхъ героевъ, огненные слова которыхъ зажигаютъ беззавѣтнымъ огнемъ храбрости и мужества самыхъ простыхъ людей. Онъ построилъ свою молодую дивизію въ нѣсколько карре *), и въ то время, когда одни карре двигались другія мѣткимъ огнемъ поражали врага. Вся осатанѣлая храбрость неаполитанскаго короля Мюрата, лично водившаго свои полки, вся сила обрушившихся 15 тысячъ коней разбилась какъ волны о грудь русскихъ богатырей. Сорокъ разъ ходили кирасиры и вся конница и каждый разъ, какъ набѣгъ свирѣпаго прибоя, ударяющійся о камни, отбѣгали назадъ обильно разбрасывая кругомъ сраженныхъ бойцовъ и коней.

Наконецъ даже атаки подоспѣвшаго корпуса свирѣпаго Нея не могли одолѣть героевъ и Невѣровскій продолжалъ отходить какъ на парадѣ, кладя цѣлыя ряды враговъ. Багратіонъ, узнавъ опасное положеніе Невѣровскаго, выслалъ усиленнымъ маршемъ въ помощь корпусъ Раевскаго, который прибылъ утромъ 3 августа въ Смоленскъ, а днемъ соединился съ нимъ подошедши Невѣровскій и только къ 5 часамъ дня показались передъ Смоленскомъ передовыя части Мюрата.

Невѣровскій былъ героемъ дня и далъ выиграть время; съ момента его прибытія у насъ въ Смоленскѣ стало 13—15 т. войска, а ближайшія части были не ближе 30 верстъ, т. е. могли прибыть къ Смоленску только на слѣдующій вечеръ. Собравъ въ теченіе 4-го августа подъ стѣнами Смоленска до 100 т. ч., Наполеонъ не предпринялъ энергичныхъ дѣйствій, а ограничился канонадой и тѣмъ далъ возможность 4-го вечеромъ собраться всѣмъ нашимъ силамъ. Ночью было рѣшено отступить къ Москвѣ, и, смѣнивъ Раевскаго, возложить прикрытіе отступленія на корпусъ Дохтурова, усиленный дивизіями Невѣровскаго и Коновницына.

Въ ночь на 5 августа наши арміи вытянулись на Москву, а утромъ 5-го Наполеонъ съ 140 т. обрушился на Смоленскъ, но не смотря на всѣ усилія успѣха не имѣлъ. Въ ночь на 6 русскіе отошли и Наполеонъ занялъ безъ сопротивленія оставленный Смоленскъ.

Русскіе войска, жаждавшіе боя, роптали на главнокомандующаго, видя въ его отступленіи чуть ли не измѣну, но Барклай-де-Толли отлично понималъ, что двигаясь впе-

*) Карре—четыреугольникъ.

редъ, захватывая все новые и новые города, Наполеонъ ослабляется въ силахъ, разбрасывается и самъ себѣ готовитъ гибель. Онъ видѣлъ разливающееся вокругъ недовольство, слышалъ гнѣвный ропотъ, понималъ стремленіе бѣшено столкнуться грудь съ грудью, но молчалъ. Около его иностранной фамиліи складывались клеветническія легенды, его называли іудой, но этотъ человѣкъ былъ неумолимъ; онъ былъ слишкомъ солдатъ, слишкомъ опытенъ, чтобы увлекаться задоромъ и одной битвой потерять компанію. Теперь безпристрастная исторія оцѣнила этого великаго человѣка, съумѣвшаго сохранить армію до рокового момента и не погубившаго ее, какъ пылкій необузданный мальчишка. Среди героевъ 12 года этотъ человѣкъ съ печатью незаслуженной обиды и проклятья, долго оставался

Аттака казаковъ при Мирѣ.

одинъ и въ тѣни, но неумолимая и неподкупная правда бросила и на это задумчивое печальное чело лучи безсмертной славы и признанія....

Итакъ русскіе отступали, но голосъ арміи, требовавшей боя, сталъ настолько громокъ и грозенъ; оскорбленное національное самолюбіе требовало жертвы за цѣлый рядъ отданныхъ врагу городовъ и все такъ горячо вѣрило въ побѣду, что Барклай выбралъ позицію у Усвятья, остановилъ армію. Наполеонъ, узнавъ объ остановкѣ, вышелъ изъ Смоленска и двинулся слѣдомъ, чтобы дать генеральное сраженіе. Великая армія поспѣшно двигалась тремя колоннами; по большой дорогѣ шли кавалерія Мюрата, корпуса Даву, Нея, Жюно и гвардія; въ лѣвой колонѣ: кавалерія

Груши и корпусъ вицекороля Евгенія, а въ правой корпусъ Понятовскаго. Казалось все сулило бой, но Багратіонъ нашелъ позицію неудобной и русская армія двинулась дальше. Слѣдующую позицію, подошедшей къ Дорогобужу 12 августа арміи, выбралъ Багратіонъ, но Барклай ее призналъ неудобной и двинулся дальше. 17 августа Барклай рѣшается, будь что будетъ, дать бой у Царево-Займище, куда и сосредоточиваетъ всю армію. Но Императоръ Александръ, повинуясь народной волѣ, посылаетъ на смѣну Барклая стараго соратника Суворова Кутузова. „Ну развѣ можно съ такими молодцами отступать?“ какъ бы съ укоромъ говоритъ хитрый старикъ въ отвѣтъ на неистовые крики привѣтствовавшихъ его полковъ. Русскій, любимецъ Суворова, знакомый солдатамъ старый вождь былъ выбранъ Александромъ по единодушному указанію всей Россіи. И теперь этотъ старикъ, ѣхавшій впереди со своимъ кривымъ глазомъ и нахлобученной кавалергардской фуражкѣ, понималъ что нужно считаться съ общественнымъ мнѣніемъ, съ голосомъ, единодушно требовавшей боя геройской арміи, и отступивъ отъ Царева-Займища, онъ все же рѣшается дать генеральное сраженіе, не доходя до Москвы. Двадцать второго августа армія подошла къ Бородину.

Глава III.

„Бородино“.

„Бородино!“ Это слово должно звучать гордо для каждаго русскаго. Въ немъ слито столько блеска лучезарной славы, столько отчаянно мрачнаго мужества, столько ослѣпительной красоты, что оно свѣтитъ сквозь загадочность вѣковъ, какъ молнія среди черной тучи. Бородино имѣетъ такое важное, чисто военное, историческое и психологическое значеніе, что я считаю необходимымъ выдѣлить его въ особую главу и освѣтить его болѣе подробно. Восемь лѣтъ тому назадъ я былъ на Бородинскомъ полѣ; сердце невольно сжалось, но тщетно искалъ я грозныхъ редутовъ, могучихъ профилей батарей: бездушное время равнодушной рукою успѣло стерѣть слѣды прошлаго. Шевардинскій редутъ заросъ деревьями, внутренность котораго почти сгладилась. Сохранился слабый слѣдъ части Семеновскихъ или Багратіоновскихъ флешей, французскія укрѣпленія у Бородина и намеки на батареи у Доронина и Горокъ. Вотъ и все. На холмѣ, гдѣ была батарея Раевскаго, возвышается

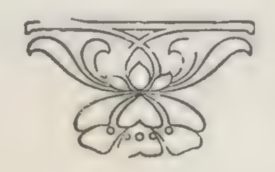
Фельдмаршалъ Кутузовъ.

Къ тѣни полководца.

(На смерть М. И. Кутузова).

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главою...
Все спитъ кругомъ; однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.
Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.
Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
„Иди, спасай!“ Ты всталъ и спасъ...

Пушкинъ.

изящный памятникъ-обелискъ и подъ чугунной плитой, слитой изъ французскихъ орудій, спитъ герой Бородинской битвы Багратіонъ. Но когда я глядѣлъ на эти святыни, когда мой взоръ скользилъ по мирному полю, въ мысляхъ оживали угасшія тѣни. Мнѣ все казалось, что на залитыхъ кровью редутахъ стоятъ все тѣ же бойцы, что цѣлый адъ свинца, чугуна и огня бросаютъ орудія, все рвутся ряды кирасиръ и далеко, далеко виднѣется тѣнь императора, посягнувшаго съ своими посѣдѣлыми въ бояхъ легіонами

Генералъ Невѣровскій.

сокрушить могущество Великой Россіи. Сто лѣтъ прошло и снова эти поля огласятся побѣдными криками русскихъ войскъ, но сейчасъ внуки принесутъ съ гордостью тѣ самыя оборванныя прострѣленныя знамена, съ которыми дѣды ходили въ кровавую битву на этомъ же полѣ. Снова эти святые лоскутья увидятъ безсмертное поле, снова услышатъ они бранные крики и вспомнятъ былую славу, былыхъ богатырей.

Бородинская позиція преграждала собою путь арміи Наполеона на Москву. Первоначальная позиція у Бородина находилась на правомъ берегу р. Колочи, имѣя правый флангъ противъ с. Малое, а лѣвый у с. Шевардино. Впереди праваго фланга позиціи протекала Колоча въ своихъ крутыхъ, обрывистыхъ берегахъ. Правый флангъ упирался въ лѣсъ, укрѣпленный засѣками; на полянѣ, прилегающей къ лѣсу, были возведены укрѣпленія для защиты фланга и тыла. У Горокъ была нарыта батарея на высотѣ и у подошвы врѣзаны пѣхотные окопы. Село Бородино соединялось съ позиціей мостомъ черезъ Колочу. Въ центрѣ находилась высота съ прямымъ картечнымъ обстрѣломъ, но впереди, невидная съ позиціи, лежала глубокая и широкая долина, на противоположнымъ берегу которой былъ лѣсъ. Лѣвѣе находился рядъ возвышенностей, среди которыхъ шевардинскій редутъ былъ доминирующимъ, далѣе шелъ лѣсъ, отдѣлявшійся отъ редута узенькой долиной. Сзади лѣваго фланга лежала глубокая лощина, неудобная для дѣйствій, а верстою южнѣе шла черезъ лѣсъ старая дорога на Можайскъ. Кутузовъ, осмотрѣвъ позицію, приказалъ осадить лѣвый флангъ такъ, чтобы долина, лежащая къ его тылу, стала передъ его фронтомъ; такимъ образомъ Шевардинскій редутъ являлся ненужнымъ, такъ какъ не могъ обстрѣливаться артиллеріей съ позиціи. Въ это время уже у Шевардина подъ начальствомъ кн. Горчакова было 14 батал. и 38 эскадроновъ. При новомъ положеніи лѣвый флангъ долженъ былъ податься назадъ и оказаться на высотѣ впереди Семеновскаго, гдѣ Кутузовъ приказалъ накопать флеши. Отрядъ Горчакова прикрывался цѣпями егерей, разсыпанныхъ отъ дер. Алексинки до Фомкино и далѣе по Доронинскому оврагу до кустовъ, идущихъ къ Ельнѣ. 24 августа аріергардъ Коновницына, стремительно атакованный французами, отступилъ такъ поспѣшно, что не успѣлъ предупредить войска, стоящія на позиціи. Наполеонъ двигался къ полю сраженія все въ томъ же порядкѣ и когда егеря открыли сильный огонь по французамъ, онъ приказалъ тремъ дивизіямъ Даву и двумъ кавалерійскимъ корпусамъ перейти Колочу и взять Шевардинскій редутъ, а Понятовскому, продолжая движеніе по Старо-Смоленской дорогѣ, помочь Даву. Французы атаковали насъ такъ рѣшительно, что пришлось драться на редутѣ, чтобы дать возможность лѣвому флангу отойти, да кстати и Горчаковъ не понялъ новаго значенія Шевардина и рѣшилъ вовсе не отдавать его французамъ. Въ итогѣ—упорный бой, окончившійся поздней ночью. Благодаря удачнымъ движеніямъ Даву и Понятовскаго, редутъ далъ побѣду французамъ. Однако какъ дорого она имъ обошлась можно судить потому, что на слѣдующій день, пропуская мимо

себя полки Компана и встрѣтя 61 линейный полкъ, Наполеонъ спросивъ: «гдѣ 3-й баталіонъ?» получилъ отвѣтъ: „онъ весь остался въ редутѣ". Иначе говоря, отъ III баталіона ни осталось и десятка солдатъ. Въ редутѣ захватили нѣсколько разбитыхъ орудій, но ни одного плѣннаго, „Почему нѣтъ плѣнныхъ?" императору доложили „что русскіе умираютъ, но не сдаются". 25 августа русскіе и французы готовились къ бою. Общая численность русскихъ болѣе 72 т. пѣхоты—17 т. кавалеріи—14 т. артиллер. и 640 орудій всего 103 т. регул. войскъ кромѣ того 7 т. казаковъ и 10 тыс. ратниковъ совершенно необученныхъ и вооруженныхъ только пиками. Наполеонъ имѣлъ 130 т. при 587 орудіяхъ, изъ нихъ пѣхоты—86 т.; кавалеріи 28 т. и артиллеріи 16 тыс. Французы, превосходя численностью, были слабѣе артиллеріей. Наши войска расположились такъ: *правый участокъ* отъ с. Малаго до батареи Раевскаго стали войска 1 й арміи (корпуса: 2-ой Боговута, 4-ый Остермана-Толстова и 6-ой Дохтурова а за двумя послѣдними 2 кавал. бар. Корфа и 3 кавал. гр. Палена). 1-й кав. корп. Уварова и казаки Платова составляли резервъ праваго участка и стояли уступомъ за правымъ флангомъ. *Лѣвый участокъ* отъ батареи Раевскаго до Утицы заняли войска 2-й арміи въ слѣдующемъ порядкѣ: 7 корпусъ (Раевскаго) занялъ батарею и до д. Семеновской, а 8 корпусъ (Бородина), выдѣливъ 6 сводн. гренадерскихъ баталіоновъ во флеши, поставилъ за ними 27 дивизію (Невѣровскаго). 2 грен. дивизія (герцога Мекленбургскаго) и 2 кирас. дивизія (Дуки) составляли резервъ лѣваго крыла. У д. Утицы сталъ 3-й корпусъ (Тучкова I), а за нимъ 7 тысячъ ратниковъ. Пять егерскихъ полковъ занимали кусты между флешами и Утицей, а на старой Смоленской дорогѣ лѣвѣе 3-го корпуса стояло 6 казачьихъ полковъ Карпова. Въ резервѣ сѣвернѣе центра у Князькова былъ 5 корпусъ (гвардейскій Лаврова) и кирасирская дивизія, а у Псарева въ резервѣ 300 орудій. Такимъ образомъ наиважнѣйшій лѣвый флангъ, гдѣ былъ ключъ позиціи былъ укрѣпленъ слабѣе прочихъ и занятъ наименьшими силами. Наполеонъ 25 августа лично произвелъ рекогносцировку нашей позиціи и, приказалъ укрѣпить д. Бородино, Наполеонъ рѣшилъ, занявъ двумя пѣхот. дивизіями и одной кавал. бригадой участокъ противъ нашего праваго фланга, чтобы, удержавъ отъ перехода въ наступленіе наши войска, направить на центръ демонстративную атаку, которую съ 3 дивизіями пѣхоты и кавалерійскимъ корпусомъ Груши долженъ былъ вести принцъ Евгеній на батарею Раевскаго; главный же ударъ направить на лѣвый флангъ куда предназначилъ корпусъ Нея, Даву съ тремя дивизіями, корпусъ Жюно и три кавалерійскихъ корпуса Мюрата, а для обхода лѣсомъ Понятовскаго съ

двумя пѣхотными и одной конной дивизіей. Общій резервъ составляли гвардія (20,000) и дивизія Фріана у Шевардина. Утромъ 25-го августа Кутузовъ приказалъ принести икону Смоленской Божіей Матери, которая сопровождала армію съ того дня, когда ее вынесли изъ горящаго Смоленска. Стотысячная армія падала на колѣни, припадая къ той землѣ, которую готовились напоить своею горячею кровью. Старикъ Кутузовъ со штабомъ встрѣтилъ икону и поклонился ей до земли. Наполеонъ же утромъ сѣлъ на коня и лично объѣхалъ всѣ войска; побывавъ на редутѣ, осмот-

Начало Бородинскаго сраженія.

рѣлъ рѣку Колочу и Война и, проѣхавъ на свой правый флангъ къ Понятовскому, вернулся въ свою квартиру у дер. Валуевой. Здѣсь ждала его посылка изъ Парижа. Это прибылъ Боссе префектъ дворца и привезъ портретъ Римскаго короля, его малолѣтняго сына. Наполеонъ долго смотрѣлъ на портретъ и приказалъ его поставить передъ шатромъ. Скоро сѣдые ворчуны старой гвардіи окружили его съ грозными криками: „Да здравствуетъ императоръ!“ Но Наполеонъ задумался и сказалъ—„Снимите его! ему слишкомъ рано видѣть поле битвы“. За обѣдомъ судьба, какъ бы предостерегая, послала ему извѣстіе о пораженіи Мармона въ Испаніи, а по самому императору было сдѣлано нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ во время его реко-

гносцировки русскихъ позицій. Наступилъ темный холодный вечеръ и всюду запылали огни безчисленныхъ костровъ. Тихо было у насъ. Солдаты мѣняли бѣлье, чистили мундиры, квартирьеры предлагали установленную порцію водки. Никто не шелохнулся. Мѣстами слышался вздохъ и слова: „Спасибо за честь! Не къ тому готовимся, не такой завтра день!“ У французовъ слышалась музыка, пѣніе и крики „да здравствуетъ императоръ“. Въ 3 часа утра Наполеонъ вышелъ изъ шатра и обратясь къ собравшимся офицерамъ сказалъ „Сегодня немного холодно, но ясно: это солнце Аустерлица“. На всѣхъ французскихъ бивакахъ грянули барабаны, ихъ звуки огласили холодное и безучастное небо. Полки выстраивались и командиры стали читать приказъ Императора.—„Воины! Вотъ сраженіе, котораго вы такъ давно желали. Побѣда зависитъ отъ васъ. Она намъ необходима—она доставитъ намъ все нужное, удобныя квартиры и скорое возвращеніе въ отечество. Дѣйствуйте такъ, какъ вы дѣйствовали при Аустерлицѣ, Фридландѣ, Витебскѣ и Смоленскѣ! Пусть позднѣйшее потомство съ гордостью вспоминаетъ о великихъ подвигахъ. Да скажутъ про каждаго изъ васъ: онъ былъ въ великой битвѣ подъ Москвою!“ Этотъ приказъ произвелъ сильнѣйшее впечатлѣніе, онъ зажегъ сердце французовъ, яркимъ огнемъ славы и подвиговъ, и крики „Да здравствуетъ императоръ!“ огласили всѣ поля, занятые великой арміей. Наполеонъ пропуская войска поѣхалъ на Шевардинскій редутъ, гдѣ лѣниво слѣзъ съ коня. Было ясное, свѣтлое утро; солнце играло въ веселой наивной лазури утра. Вдругъ гдѣ то раздался одинокій выстрѣлъ орудія.. Мгновенье—второй, третій и черезъ пять минутъ весь адъ хохоталъ и гремѣлъ цѣлымъ ураганомъ криковъ, воплей и грохота. Точно самъ Вельзевулъ праздновалъ праздникъ крови и истребленья, и тысячи жерлъ орудій и ружей посылали ему свой кровавый привѣтъ. Правый флангъ французовъ подъ покровительствомъ 102-орудійной батареи двинулся двумя дивизіями Компана и Дессе и атаковалъ флеши, но залпъ орудій скосилъ первые ряды Компана, а огонь егерей опрокинулъ его полки. Второй атакой дивизія Дессе всеже ворвалась и взяла флеши, опрокинувъ гренадеръ Воронцева, но 27 дивизія Невѣровскаго поддержала гренадеръ и смыла французовъ. Много способствовали пораненія начальниковъ. Здѣсь въ нѣсколько минутъ были ранены Даву, Компанъ, Дессе и Раппъ. Около 7 часовъ утра на помощь Даву двинулся Ней. Ней самъ повелъ свои полки достигъ съ первой дивизіей первой флеши и, ворвавшись во вторую, бросился въ рукопашный бой. Флешь осталась за французами. Тучковъ 4-й, повелшій свою бригаду со знаменемъ въ рукахъ палъ, пораженный картечью въ грудь.

Гренадерская дивизія Воронцева была буквально уничтожена. „Мое сопротивленіе", говорилъ онъ въ своихъ запискахъ, „не могло быть продолжительно, но оно окончилось не прежде какъ съ уничтоженіемъ моей дивизіи". Между тѣмъ на правомъ флангѣ въ 6 час. утра дивизія Дельсона атаковала село Бородино почти, уничтожила гвардейскихъ егерей, но пройдя мостъ наткнулась на войска Дохтурова, которыя, чуть не уничтоживъ дивизію, сожгли мостъ. Вице-Король, оставивъ на лѣвомъ берегу р. Колочи 1 пѣх. дивизію и 1 кавал. див. Орнано, всѣ войска перебросилъ черезъ р. Колочу для атаки батареи Раевскаго.

Сраженіе при Бородинѣ 26 августа 1812 г.

Какъ выше сказано въ 7 часовъ послѣдовала атака флешей Неемъ и Даву, причемъ за Неемъ шелъ Жюно, а за Даву Мюратъ. Слѣдовательно на 6 баталіоновъ Воронцова и 8 Невѣровскаго обрушились 8 дивизій пѣхоты и 3 корпуса кавалеріи. Багратіонъ, видя это, послалъ 2 гренадерскую и 2 кирасирскую дивизіи поддержать Невѣровскаго и Воронцова, а Тучкову I велѣлъ отправить къ флешамъ 3-ью дивизію Коновницына, а самъ просилъ помощи у Кутузова. Кутузовъ послалъ Измайловскій и Литовскій полки, сводную гренадерскую бриг. (8 батал.), 1-ую кирасирскую дивизію и 3 артил. роты и перевелъ 2 корпусъ

пѣхоты съ праваго на лѣвый флангъ. Но всѣ эти подкрѣпленія могли прійти не ранѣе $1^1/_2$—2 часовъ, а до тѣхъ поръ приходилось выдерживать натискъ.

Въ 8 ч. утра Ней и Даву, уничтоживъ дивизію Воронцова, стали готовиться къ атакѣ д. Семеновской, занявъ флеши, но въ 9 часовъ Багратіонъ производитъ контръатаку и смываетъ французовъ. Въ 10 часовъ Ней ввелъ въ бой Жюно и, нанеся Багратіону огромный уронъ, вновь отобралъ флеши. Въ 11 часовъ къ Багратіону подходитъ Коновницынъ и съ 3 кавал. полками изъ 1-ой арміи и снова, хотя съ большими потерями, оттѣсняетъ французовъ, при чемъ падаетъ самъ, тяжело раненный. Ней и Даву, получивъ отказъ въ подкрѣпленіяхъ отъ Наполеона, вводятъ въ дѣло послѣдній резервъ дивизію Фріана и окончательно забираютъ флеши въ $11^1/_2$ ч. утра, а русскіе отходятъ за Семеновскій оврагъ и занимаютъ ближайшія высоты. Французская артиллерія занявъ противоположный берегъ, выпуская цѣлый адъ огня, производитъ въ нашей арміи страшныя опустошенія. Послѣ ожесточенной бомбардировки, подготовивъ огнемъ атаку на насъ, ринулись два корпуса кавалеріи Латуръ-Мабура и Нансута, атакуя оба фланга, но ихъ лихія, полныя героизма и красоты атаки не могли сломить нашей пѣхоты. Сталь разбивалась о гранитъ. Безумная храбрость отходила отъ суроваго мужества. Три раза возобновляли „желѣзные“ кирасиры свои бѣшеныя атаки, но измайловскіе гренадеры вошли въ такой азартъ, что со штыками на перевѣсъ кинулись на всадниковъ и опрокинули кирасиръ. Однако послѣ такого упорнаго боя обѣ стороны были сильно разстроены.

Французы прервали наступленіе. Ней и Мюратъ вторично просили помощи, но Наполеонъ, считая, что моментъ не насталъ, выслалъ имъ только одну дивизію молодой гвардіи. Между тѣмъ въ центрѣ шелъ не менѣе кровопроливный и упорный бой. Увидя атаки Даву и Нея, Принцъ Евгеній тоже перешелъ въ наступленіе и двинулъ на батарею дивизію Брусье.

Въ 10 часовъ Брусье былъ отбитъ; въ 11 часовъ Брусье, поддержанный дивизіей Морана, повелъ стремительную атаку, а лихая бригада Бонами ворвалась на батарею. Еще минута и центръ былъ бы прорванъ, такъ какъ атакой Бонами почти вся 26 дивизія Паскевича была уничтожена, а самъ Бонами достигнувъ батареи съ 30 линейнымъ полкомъ взошелъ на валъ и кинулся внутрь. Силы Багратіона и Барклая были разрѣзаны и, поддержи Морана Евгеній, сраженіе было бы выиграно, но поддержка запоздала, а зоркій глазъ Ермолова, проѣзжавшаго на лѣвый флангъ, мигомъ понялъ опасность. Онъ приказалъ двумъ коннымъ ротамъ сняться съ передковъ и открыть огонь, по стол-

пившимся французамъ, а самъ взялъ готовый къ бою 3 баталіонъ Уфимскаго полка и стоявшіе сзади 11, 19 и 40 егерскіе полки повелъ въ атаку; къ стройно наступавшимъ полкамъ присоединялись отходившіе остатки и Ермоловъ по его словамъ „толпою во образѣ колонны", ударилъ на ошеломленныхъ французовъ и сбросилъ ихъ съ батареи. Попалъ въ плѣнъ и израненный Бонами. Около 12 часовъ

Ополченцы 1812 г.

дня на мѣсто боя прибылъ Барклай и смѣнилъ измученные войска Раевскаго дивизіей Лихачова. На нашемъ лѣвомъ флангѣ Понятовскій около 8 ч. овладѣлъ Утицей и въ 10 ч. атаковалъ Тучкова I; на поддержку послѣднему подошелъ Боговутъ, чѣмъ далъ возможность Тучкову I перейти въ наступленіе. Онъ отнялъ обратно высоту, но исколотый штыками упалъ и былъ взятъ въ плѣнъ. Наконецъ, въ 1 часъ дня, Наполеонъ рѣшилъ нанести послѣдній рѣши-

тельный ударъ, чтобы поддержать Вице-короля Евгенія и прорвать центръ; онъ взялъ три дивизіи, но паника въ тылу заставила его отвлечь вниманіе отъ первоначальнаго плана. Въ тылу появился Платовъ. Наполеонъ самъ поскакалъ за Колочу, но пока онъ потратилъ два часа на разъясненіе обстоятельствъ дѣла, на батареѣ Раевскаго была отбита атака и 4 корпусъ сталъ между ней и Семеновскимъ оврагомъ; за нимъ Семеновцы и Преображенцы, а за ними 2-ой, 3-ій кавалер. корпуса, а въ послѣдней линіи кавалергарды и конный полкъ. Правѣе 4 пѣхотн. корпуса сталъ 6-ой, занявъ батарею. Въ 2 часа Наполеонъ возобновилъ атаку на батарею Раевскаго.

Послѣ упорнаго боя въ 3 часа дня, три дивизіи пѣхоты при содѣйствіи конницы (Лотуръ-Мабуръ и Груши) взяли батарею, истребивъ дивизію Лихачева, а онъ самъ, исколотый штыками, попалъ въ плѣнъ; французы понесли не меньшія потери и впереди всѣхъ палъ во главѣ уничтоженнаго храбраго 5 кирасирскаго полка лихой генералъ Коленкуръ. Для преслѣдованія отходившихъ нашихъ войскъ Наполеонъ бросилъ всю массу кавалеріи Мюрата, но ей преградила путь наша конница и между батареей и Семеновскимъ произошла рукопашная схватка, прекратившаяся только въ 4 часа.

Около 6 ч. вечера русская армія занимала позицію въ $^1/_2$—1 верстѣ отъ прежней, уступивъ батарею Раевскаго, флеши и Утицу. Съ обѣихъ сторонъ еще гремѣли орудія. Ней и Мюратъ въ третій разъ просили у Наполеона подкрѣпленій, но онъ не далъ свою старую гвардію.—„Въ этотъ день я не узнавалъ Наполеонова генія“ говорилъ Мюратъ о нерѣшительности Наполеона, а несдержанный Ней кричалъ тутъ же на полѣ сраженія: „Я не могу понять его нерѣшительности: если онъ разучился дѣлать свое дѣло, пусть убирается въ.... Тюльери; мы лучше справимся безъ него“. Но Наполеонъ со своей стороны также былъ правъ. Онъ встрѣтилъ такой отпоръ, такое необычайное мужество, о которые разбились вся энергія его маршаловъ, вся храбрость его полковъ; вполнѣ естественно, что онъ воскликнулъ „Я не хочу разстроить мою гвардію!! Въ 3000 верстахъ отъ Франціи не слѣдуетъ жертвовать послѣднимъ резервомъ“. Огонь постепенно съ обѣихъ сторонъ затихалъ и съ наступленіемъ темноты богъ войны потушилъ свой кровавый жертвенникъ и мирный сонъ слетѣлъ на утомленныхъ бойцовъ среди криковъ раненыхъ и стоновъ умирающихъ.

Кутузовъ рѣшилъ на слѣдующій день перейти въ наступленіе всей арміей, но, получивъ за ночь свѣдѣнія объ ужасныхъ потеряхъ, приказалъ отходить къ Можайску Армія Наполеона тоже отошла за Колочу и лишь послѣ

полудня 27-го Наполеонъ въ томъ же порядкѣ, какъ шелъ раньше выступилъ слѣдомъ за русскими. Потери у русскихъ были 42500 ч., т. е. 42% и 30 орудій, а у французовъ 32000 ч., т. е. 25% и 13 орудій. Поведеніе русскихъ войскъ при Бородинѣ было выше всякихъ похвалъ; въ рукахъ французовъ почти не было ни трофеевъ, ни плѣнныхъ: а главное духъ арміи, не смотря на страшныя потери, оставался прежнимъ и она была все тою же грозною и несокрушимою силою, готовая вновь вступитъ въ бой, чтобы побѣдить или умереть. Отступая отъ Бородина всѣ были убѣждены, что подъ Москвою будетъ еще сраженіе, но у Наполеона было 100 т. человѣкъ, а у насъ едва-едва 60 т. и Кутузовъ 1-го сентября, вопреки желанію всѣхъ, отдалъ Москву.

Французы выпустили 26 августа 60,000 пушечныхъ за-

Военный совѣтъ въ Филяхъ.

рядовъ и 1,400,000 ружейныхъ, т. е. въ каждую минуту боя 100 пушечн. выстрѣловъ и 2,300 ружейныхъ. Съ нашей стороны почти столько же. Можно же себѣ представить что это былъ за адъ, если все это грохотало на разстояніи не болѣе 2 верстъ. Наполеонъ называлъ Бородино „самою ужасною“ изъ битвъ; Французы добавилъ онъ „показали себя достойными одержать побѣду, а русскіе стяжали право быть непобѣдимыми“. Послѣ боя къ Наполеону подошли еще 2 дивизіи изъ Витебска и Смоленска. По мѣткому выраженію Ермолова на поляхъ Бородина „французская армія расшиблась о русскую“. Русская армія отходила, горя желаніемъ еще разъ помѣряться съ врагомъ. Но Кутузовъ въ Филяхъ собралъ военный совѣтъ, чтобы выслущать мнѣніе своихъ генераловъ. Въ простой крестьянской избѣ на лавкахъ размѣстились залитые золотомъ генералы; на деревянный некрашенный столъ положили карты, а старикъ

Кутузовъ усѣлся въ глубокое кресло у печи и просилъ каждаго высказаться. Начались горячіе споры: всѣ хотѣли боя, доказывали, горячились, спорили и тутъ только обратили вниманіе на главнокомандующаго, который притворялся спящимъ, чтобы выслушать мнѣнія всѣхъ. Старикъ всталъ и среди полной тишины раздался его голосъ: „Съ потерею Москвы не потеряна Россія. Первою обязанностью поставляю сохранить армію и сблизиться съ тѣми войсками, которыя идутъ къ намъ на подкрѣпленіе.

Самымъ уступленіемъ Москвы приготовимъ мы гибель непріятелю. Изъ Москвы я намѣренъ итти по Рязанской дорогѣ. Знаю, что отвѣтственность обрушится на меня, но жертвую собою для блага отечества. Приказываю отступать!"—На глазахъ старика дрожали слезы, но голосъ звучалъ неумолимо и твердо.

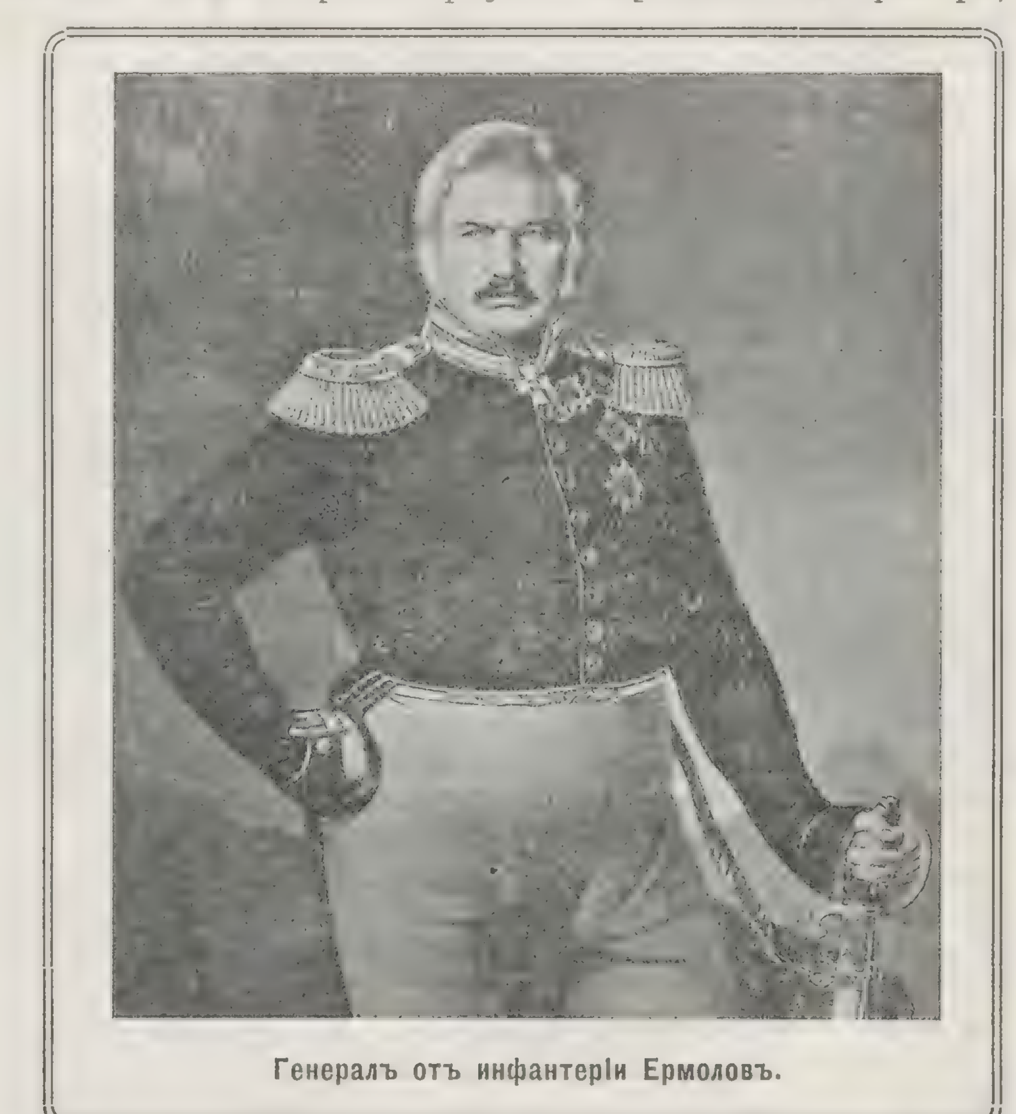
2-го сентября армія прошла Москву, а вслѣдъ за аріергардомъ Милорадовича двинулись и французы и войдя въ Москву остановились. Русскихъ преслѣдовалъ лишь авангардъ Мюрата. Кутузовъ сдѣлавъ два перехода по Рязанской дорогѣ, ловкимъ маневромъ искуссно свернулъ къ Красной Пахрѣ на Калужную и 20 сентября сталъ на позиціи у Тарутино, закрывая Калугу, Тулу, Брянскъ и южныя плодородныя губерніи. Два кавалерійскихъ корпуса и казаки Платова стали противъ Мюрата, который занялъ д. Винкову. Съ приходомъ въ Тарутино было уничтожено раздѣленіе на двѣ арміи.

До 6-го октября оба противника бездѣйствовали и въ то время, когда у французовъ началось разложеніе, дезертирство и грабежи наша армія отдыхала, пополнялась и была доведена до 97.000 человѣкъ не считая казаковъ. Кромѣ того появились цѣлыя стаи добровольныхъ союзниковъ-партизановъ, которые стали настоящимъ бичомъ французовъ. Отряды Фигнера, Давыдова, Сеславина, Дорохова и многихъ другихъ кольцомъ охватили засѣвшихъ въ Москвѣ французовъ и почти прекратили всякій подвозъ провіанта къ столицѣ. Наконецъ вся Москва горѣла; сношеніе съ тыломъ у французовъ прекратилось, кругомъ вставалъ какъ одинъ человѣкъ каждый мужикъ, а народныя дружины ополченій Тверского, Рязанскаго, Тульскаго и Калужскаго стояли на всѣхъ дорогахъ, ведущихъ къ Москвѣ. Французы стали терпѣть всевозможныя лишенія и пришли въ полное разстройство. Наполеонъ обратился къ Александру, съ предложеніемъ мира, но отвѣтомъ было молчаніе. Наступили холода и голодъ. Пожаръ доходилъ до дворца, гдѣ остановился Наполеонъ, и вотъ, потерявъ надежду на миръ, Наполеонъ сталъ готовиться къ выступленію изъ Москвы.

Глава IV.

„Отступленіе“.

Когда властолюбивый императоръ подходилъ со своей побѣдоносной арміей къ Москвѣ и нѣжные переливы ранняго утра заиграли тысячью огоньковъ на золотыхъ главахъ церквей, крики: „Москва! Москва!“ загремѣли среди рядовъ и даже старые ворчуны гвардейцы императора, ни-

Генералъ отъ инфантеріи Ермоловъ.

чему ни удивлявшіеся, и тѣ поднимали кверху мѣховыя шапки и кричали „Москва!“

Наполеонъ на поклонной горѣ остановился съ блестящею свитой и долго любовался чудной панорамой Москвы: „Voila cétte capitale d'Asie!“ *) вырвался у него возгласъ, а внизу двигались, какъ тучи его войска и вѣяли знамена, увѣнчанные орлами. Увидя любимаго вождя, все

*) „Вотъ она столица Азіи“.

загремѣло: „Да здравствуетъ императоръ“. Онъ махнулъ рукой и выстрѣлъ изъ пушки послужилъ сигналомъ къ вступленію въ Москву. Конница и артиллерія авангарда съ грохотомъ пронеслись впередъ. Съ криками бѣжала пѣхота. Свѣтъ померкъ отъ поднявшихся облаковъ пыли и черезъ 12 минутъ Наполеонъ уже слѣзалъ съ коня у Дорогомиловской заставы. Долго ходилъ на валу Императоръ дожидаясь депутаціи—„бояръ съ ключами“, но никого не было. Наконецъ черезъ часъ привели нѣсколько оборванцевъ, оказавшихся иностранцами изъ простолюдинъ. Наполеонъ такъ взглянулъ на эту „депутацію“, что она мгновенно исчезла, самъ вскочилъ въ сѣдло и задумчивый въѣхалъ съ авангардомъ въ городъ.—Москва пуста! Это было такъ неожиданно, такъ дико...

Берлинъ, Вѣна, всѣ города міра гремѣли отъ криковъ, когда онъ въѣзжалъ побѣдителемъ, а здѣсь?... Вечеромъ 2 сентября уже надъ городомъ было зарево, а 3-го большая часть его колыхалалась въ огнѣ; въ ночь съ 3 на 4 разыгралась буря и пожаръ превратился въ какой то гигантскій костеръ со столбами чернаго дыма, бушевавшій надъ обреченнымъ городомъ. Наполеонъ съ ужасомъ смотрѣлъ изъ дворца на этотъ океанъ огня и растерянно говорилъ: „Какое ужасное зрѣлище! Это сами русскіе поджигаютъ. Сколько прекрасныхъ зданій! Какая необычайная рѣшимость! Что за люди: это скиѳы!“ Наконецъ раздались крики: „Кремль горитъ, кремль горитъ!“ Пылала Тайницкая башня. Мюратъ, Евгеній, Богарне, Бертье и другіе приближенные умоляли грознаго повелителя оставить кремль. Наполеонъ внялъ просьбамъ, выѣхалъ, съ трудомъ пробираясь среди огня, развалинъ и дыма и тревожно провелъ ночь въ Петровскомъ дворцѣ. Съ 5 сентября пожары стали уменьшаться, ночью пошелъ проливной дождь и на слѣдующій день лилъ какъ изъ ведра. Наполеонъ рѣшилъ вернуться и тутъ только увидѣлъ весь ужасъ стоявшихъ на бивуакахъ войскъ, которые на кострахъ изъ дорогой мебели и золоченыхъ рамъ готовили пищу и на серебряныхъ блюдахъ ѣли полуизжаренную кровавую конину. Солдаты расшибали погреба, пили, грабили, разсѣявшись по обгорѣлымъ развалинамъ. Разстрѣливали поджигателей, но городъ все таки почти весь выгорѣлъ до тла. Солдаты великой арміи навѣки покрыли себя позоромъ, занявшись грабежами, насиліями, разбоемъ и убійствомъ мирныхъ жителей; они насиловали женщинъ и издѣвались надъ ними, они обратили церкви въ конюшни и тѣмъ обезславили навѣки побѣдные орлы своихъ славныхъ знаменъ.

Наконецъ 6 октября Кутузовъ, видя полное разложеніе непріятеля, атаковалъ авангардъ Мюрата и французы потеряли 38 орудій 1500 плѣнныхъ. Тарутинскимъ сраже-

ніемъ началось наступленіе русской арміи такъ какъ Наполеонъ, получивъ извѣстіе о сраженіи, вечеромъ 6-го выступилъ изъ Москвы по Старо-Калужской дорогѣ, соединился съ авангардомъ и перейдя на Ново-Калужскую направился на Малоярославецъ, но тутъ Кутузовъ загородилъ ему путь. Оба противника вводили въ бой войска по частямъ,

Генералъ Платовъ.

бой разгорался, продолжался 18 часовъ, и городъ 8 разъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Къ ночи 12 октября у Малоярославца сосредоточились обѣ арміи Наполеона и Кутузова. 13-ое число прошло въ бездѣйствіи, а 14 Наполеонъ двинулся на Можайскъ. Кутузовъ сосредоточилъ свою армію у Полотняныхъ заводовъ. Въ этотъ день Наполеонъ прошелъ Можайскъ и въ одной колоннѣ двинулся

къ Смоленску. Кутузовъ, отрядивъ Платова съ казаками и дивизіи Паскевича для преслѣдованія, пошелъ со всѣми силами паралельно Наполеону, чтобы все время угрожать его пути. Наша армія такимъ образомъ шла на Медынь и дальше на Вязьму.

22 октября Милорадовичъ и Платовъ атаковали не успѣвшихъ пройти Вязьму Нея, вице короля, Понятовскаго и Даву нанесли имъ страшныя потери и взяли массу плѣнныхъ. Отступленіе французовъ вслѣдствіе усиленныхъ переходовъ, усталости, недостатка продовольствія по уже пройденной и разграбленной дорогѣ привело къ полному разгрому арміи; всякая дисциплина пала окончательно, солдаты бросали оружіе, расходились въ стороны для грабежа и нападали на свои же обозы; кромѣ того за арміей брели возы награбленнаго, шли русскіе нагруженные непріятельской добычей, ѣхали иностранцы въ каретахъ, бричкахъ и т. д. Все это напоминало какое то ужасное переселеніе народовъ, а не походъ „великой арміи". Масса конницы лишилась лошадей, всѣ поизносились, были оборваны и имѣли видъ нищихъ. Въ поповскихъ ризахъ, въ женскихъ юбкахъ, капотахъ, кацавейкахъ, подрясникахъ, одѣялахъ шли усатые гренадеры. А на встрѣчу попадались слѣды разрушенія: сломанные лафеты, трупы коней. Казалось сама судьба шла рядомъ со своимъ развѣнчаннымъ любимцемъ печатью проклятія отмѣчая чело тѣхъ его воиновъ, которымъ уже никогда больше не придется увидѣть поля дорогой далекой родины. 24 октября Наполеонъ прибылъ въ Дорогобужъ, а 28 уже достигъ Смоленска. Въ этотъ день Платовъ разбилъ вице-короля. взявъ у него 64 орудія, а партизаны уничтожили отрядъ Ожеро. Въ Смоленскъ уже великая армія прибыла имѣя подъ ружьемъ не болѣе 50 тыс. человѣкъ да около 40 тыс. безоружныхъ брело за ея рядами. Второго ноября армія выступила изъ Смоленска и 4-го прибыла къ Красному, 5 ноября Кутузовъ, думая, что Наполеонъ уже ушелъ изъ Краснаго, рѣшилъ отрѣзать отъ него Даву и аргіергардъ Нея, но искусными маневрами Наполеону удалось облегчить задачу и Даву, потерявъ 6 т. плѣнными и 45 орудій, почти со всѣми силами присоединился къ Наполеону, а 6 ноября загорѣлся бой подъ Краснымъ у Нея съ Милорадовичемъ. Ней дрался какъ левъ, но все было напрасно и къ 8 ноября онъ привелъ Наполеону только 800—900 человѣкъ. Дѣло подъ Краснымъ лишило французовъ 228 орудій, нѣсколько орловъ, жезлъ маршала Даву и потери 20000 плѣнными. 10 ноября Наполеонъ прибылъ въ Толчино и здѣсь получилъ извѣстіе что Чичаговъ наканунѣ занялъ авангардомъ Борисовъ на Березинѣ. Березина была искупительной жертвой и ужасы ея превысили всѣ бѣдствія отступленія.

Глава V.

„Березина“.

Въ печальные дни отступленія все-таки геній Наполеона еще ярко горѣлъ. Онъ уходилъ, но отбивался какъ смертельно раненый левъ, окруженный осторожными охотниками.

Наступившіе холода замораживали на бивакахъ цѣлые отряды. Впереди стояла рѣка, за ней Чичаговъ, сзади Кутузовъ, а сбоку Витгенштейнъ и партизаны. Казалось сама судьба насмѣшливо привела своего избранника къ такому трагическому концу.

„Ну, если Наполеонъ и теперь извернется, то я повѣрю что онъ—самъ Сатана“—говорили маршалы—и... онъ извернулся. Узнавъ что Борисовъ занятъ, Наполеонъ приказываетъ шедшему въ авангардѣ Удино выбить русскихъ во что бы то ни стало и навести мосты. Удино удачно выполнилъ возложенную на него задачу и 11-го числа занялъ Борисовъ, но русскіе успѣли сжечь мостъ. Положеніе Наполеона сдѣлалось критическимъ: онъ шелъ въ одной колоннѣ растянувшись на 40 верстъ въ полномъ безпорядкѣ съ массой безоруженныхъ людей, которыхъ было больше чѣмъ вооруженныхъ. И ввиду непріятеля, окружавшаго кольцомъ, надо было перейти большую съ болотистыми берегами рѣку, за которой стояло 30000 враговъ. Но геній Наполеона вспыхнулъ такъ ярко, что спасъ остатки арміи. Онъ потребовалъ мѣстныхъ жителей, опросилъ о переправѣ въ одномъ мѣстѣ, приказалъ собрать матеріалъ и затѣмъ отпустилъ опрошенныхъ; послѣдніе, конечно, сообщили объ этомъ Чичагову—между тѣмъ въ дѣйствительности мосты были наведены значительно выше. Чичаговъ не разобрался въ хитрости, стянулъ всю свою армію; Удино искуссно демонстрировалъ, наши начальники дѣйствовали вяло, Кутузовъ подвигался медленно и поэтому пятидневная съ 12 по 16 ноября переправа увѣнчалась успѣхомъ, хотя и обошлась французамъ въ 30000 человѣкъ.

Французскіе солдаты Удино особенно отличились въ эти дни, а саперы работали съ героическимъ мужествомъ. Стоя по поясъ въ ледяной водѣ, они забивали сваи и наводили мосты, черезъ 4—5 часовъ они падали мертвыми, но ихъ замѣняли другіе. По теченію рѣки плыли огромныя пловучія льдины. Ободряемые присутствіемъ императора понтонеры работали съ нечеловѣческой силой среди напиравшихъ на нихъ льдинъ; ихъ энергія не ослабѣвала и тогда, когда холодная зловѣщая ночь окутала Березину и окрестности. Наполеонъ убѣдившись, что Чичаговъ по-

Знаменитый партизанъ Денисъ Давыдовъ.

ПАРТИЗАНЪ.

Умолкнулъ бой. Ночная тѣнь
Москвы окрестность покрываетъ;
Вдали Кутузова курень
Одинъ, какъ звѣздочка, сверкаетъ.
Громада войскъ во тьмѣ кипитъ,
И надъ пылающей Москвою
Багрово зарево лежитъ
Необозримой полосою.
И мчится тайною тропой
Воспрянувшій съ долины битвы
Наѣздниковъ веселый рой
На отдаленныя ловитвы.
Какъ стая алчущихъ волковъ,
Они долинами витаютъ:
То внемлютъ шороху, то вновь
Безмолвно рыскать продолжаютъ.
Начальникъ, въ буркѣ на плечахъ,
Въ косматой шапкѣ кабардинской,
Горитъ въ передовыхъ рядахъ
Особой яростью воинской.
Сынъ бѣлокаменной Москвы,
Но роно брошенный въ тревогѣ,
Онъ жаждетъ сѣчи и молвы,
А тамъ что будетъ — вольны боги!
Давно незнаемъ имъ покой,
Привѣтъ родни, взоръ дѣвы нѣжный,
Его любовь — кровавый бой,
Родня--донцы, другъ--коньнадежный:
Онъ чрезъ стремнины, чрезъ холмы
Отважно всадника проноситъ,
То чутко шевелитъ ушьми.
То фыркаетъ, то удилъ проситъ.
Еще ихъ скокъ примѣтенъ былъ
На высяхъ, за преградной Нарой,
Златимыхъ отблескомъ пожара,
Но скоро буйный рой за высь перекатилъ
И скоро слѣдъ его простылъ...

Денисъ Давыдовъ.

пался на удочку и ждетъ его у Борисова, у Студенка воздвигнулъ батарею и открываетъ страшный огонь на другой берегъ, гдѣ маневрировало нѣсколько казачьихъ сотенъ Корнилова. Вслѣдъ за тѣмъ на плотахъ переправились 400 егерей и очистили берегъ отъ казаковъ.

Скоро двѣ тонкія нити мостовъ повисли одинъ для пѣхоты и кавалеріи, другой для артилеріи и обозовъ. Одинъ мостъ уже кончили и Наполеонъ приказалъ Удино перейти на тотъ берегъ. Это были самыя свѣжія войска, недавно присоединившіеся къ арміи. Въ величайшемъ порядкѣ, съ громкими криками „Да здравствуетъ Императоръ!" проходили они мимо своего вождя по зыбкому пѣхотному мосту.

Ставъ фронтомъ къ сторонѣ Борисова, они приготовились встрѣтить Чичагова. Въ 4 часа пополудни закончили и 2-ой мостъ, по которому переправилась вся артиллерія. Ночью на тотъ берегъ перешли войска Нея и молодая гвардія; мостъ ломался ночью два раза и его чинили съ большимъ трудомъ; Наполеонъ все время оставался на берегу ускоряя переправу. Въ полдень 15 перешла старая гвардія и Императоръ, баденская дивизія, и остатки корпусовъ Евгенія, Даву и Жюно. На томъ (лѣвомъ) берегу остался только корпусъ Виктора, обозы и многочисленныя толпы безоружныхъ, раненныхъ и больныхъ. До 6 часовъ 15 числа, пока проходили войска имъ не дозволяли подходить къ мостамъ. Наконецъ, когда всѣ перешли, былъ данъ сигналъ переправляться. Цѣлыя толпы хлынули на мосты въ полномъ безпорядкѣ.

Люди, лошади, повозки все смѣшалось въ одну громадную барахтающуюся кучу, заклинивъ движеніе по мостамъ.

А съ 7 часовъ утра загремѣли орудія и началось сраженіе на обѣихъ берегахъ рѣки. На лѣвомъ Витгенштейнъ напалъ на Виктора защищавшаго переправу, а Чичаговъ на правомъ столкнулся съ Удино. Но Чичагову не удалось сдвинуть Нея смѣнившаго раненаго Удино; зато Витгенштейнъ сильно тѣснилъ Виктора. Поднялась страшная паника. Въ то время, когда храбрые войска Виктора мужественно защищали переправу и изнемогали въ неровной борьбѣ, у мостовъ шла давка; многіе сваливались, тонули въ водѣ, раздавливались льдинами и скоро рѣка покрылась трупами.

Маршалъ Викторъ, желая дать перебраться безоружнымъ, перешелъ въ наступленіе, но Витгенштейнъ все вводилъ новыя и новыя силы.

Наступила ночь. Французы были притиснуты къ самой рѣкѣ и надо было бросить мысль спасать безоружныхъ и пробиться самимъ. И вотъ съ оружіемъ въ рукахъ по мосту изъ живыхъ и мертвыхъ—войска или вернѣе остатки

корпуса Виктора перешли рѣку—„Французы дѣйствовали съ оружіемъ въ рукахъ противъ своихъ безоружныхъ земляковъ и боевыхъ товарищей“. Это было ужасно. Но конецъ трагедіи наступилъ тогда, когда переправившись войска Виктора зажгли мосты. Толпы людей, коней бросились въ воду на льдины, ледъ не выдержалъ и скоро рѣка запрудилась трупами. А природа разразилась самой адскою мятелью и заревѣла надъ всѣмъ этимъ кладбищемъ погребальную пѣсню; ударившій морозъ докончилъ дѣло разрушенія и заморозилъ цѣлыя тысячи, босыхъ, раздѣтыхъ, голодныхъ людей. До Березины у Наполеона было подъ ружьемъ 30000 тыс. человѣкъ и значительно большее количество безоружныхъ, а послѣ перехода у него осталось 9000 т. человѣкъ. Всѣ потери можно опредѣлить до 50000 человѣкъ. Послѣ Березина „великая армія“ перестала существовать и только 9000 тыс. человѣкъ при 24 орудіяхъ двинулись къ Вильнѣ. Рѣшивъ, что въ арміи больше дѣлать нечего, Наполеонъ ввѣрилъ эту горсть Мюрату и 23 ноября тайно уѣхалъ въ Парижъ. Въ Вильнѣ къ Мюрату присоединилась дивизія Луазона, но Платовъ на Панарскихъ высотахъ нанесъ ему пораженіе и гналъ до Нѣмана, который 1-го декабря перешли остатки французской арміи, состоявшіе всего изъ 2000 человѣкъ и 9 орудій.

Свершились слова Императора Александра, поклявшагося не заключать мира до тѣхъ поръ пока непріятель не будетъ изгнанъ изъ предѣловъ Россіи. Прошло шесть мѣсяцевъ и громадная туча оросивъ нашу родину потоками крови и огня растаяла безслѣдно, но Александръ рѣшилъ, что война не кончена, а только вступаетъ въ новую фазу, и онъ, остановивъ армію, сталъ готовиться къ переходу границы, къ походу въ Парижъ.

Съ этого времени судьба Наполеона была рѣшена. Его неизмѣримое честолюбіе звало его все впередъ и впередъ. На бѣломъ конѣ, въ сѣромъ походномъ сюртукѣ, простой треуголкѣ, съ грошовой кокардой ѣхалъ маленькій человѣкъ среди залитыхъ золотомъ маршаловъ, среди красивыхъ мундировъ блестящей свиты. Все трепетало передъ его огненнымъ взоромъ, но зналъ ли онъ, что бѣлые снѣга чудной и таинственной страны покраснѣютъ отъ алой крови его легіоновъ и что всѣ они погибнутъ тамъ далеко, далеко отъ своей милой Франціи.

Вѣчная память угасшимъ врагамъ! Война кончилась! Но она показала на что способны мы: наша армія и нашъ великій народъ. Армія вспомнила былые дни славы, великіе завѣты Суворова, Румянцева, и выдвинула цѣлый рядъ героевъ.

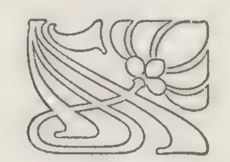
Эта война пробудила въ народѣ самосознаніе, укрѣпила его національное чувство и показала все его величіе

и мощь. Царь и его подданные, всѣ сословія, общество и армія все слилось въ одномъ грозномъ великомъ и безсмертномъ словѣ „Россія!“

Прошло только сто лѣтъ! Сто лѣтъ! Вѣдь это одна хорошая человѣческая жизнь, вѣдь есть еще очевидцы этихъ событій, а поглядите кругомъ. Все измѣнилось. Великіе ремесленники, искусство, культура и прогрессъ выковали совершенно новую землю, совершенно другой міръ. По голубой дали неба парятъ бѣлыя птицы аэроплановъ и двигаются дирижабли, землю покрыли сѣти желѣзныхъ дорогъ и мчатся экспрессы, кругомъ проведены телеграфы, телефоны.

И это наша родина.

Та самая родина, въ которую пришли легіоны великаго завоевателя и которые она стерла съ лица земли. Сто лѣтъ прошло и тамъ, гдѣ дымились пожарища, кучи труповъ, смрадъ и разрушеніе теперь цвѣтутъ города и бьетъ полнымъ пульсомъ жизнь. Ни татары, ни поляки, ни французы не могли сломить нашей силы въ неравномъ бою. Что же это за сила, которая возрождаетъ изъ пепла, вырываетъ изъ цѣпей, ведетъ къ славѣ изъ рабства. Эта сила зовется „Любовь къ родинѣ“. Великая мать должна имѣть—великихъ дѣтей: исторія впишетъ ихъ имена огнемъ безсмертія въ свою правдивую книгу.

ОЧЕРКЪ
Народнаго Ополченія
въ Казанской губерніи.

6-го іюля 1812 года Императоръ Александръ I подписалъ Высочайшій Манифестъ, призывающій землю русскую къ ополченію:

«Божьей Милостью, мы, Александръ Первый Императоръ и Самодержецъ всероссійскій и прочая и прочая и прочая».

Непріятель вступилъ въ предѣлы наши и продолжаетъ нести оружіе свое внутрь Россіи, надѣясь силой и соблазнами потрясть спокойствіе Великой сей Державы. Онъ положилъ въ умѣ своемъ злобное намѣреніе разрушить славу ея и благоденствіе. Съ лукавствомъ въ сердцѣ и лестію въ устахъ несетъ онъ вѣчныя для нея цѣпи и оковы. *Мы* призвавъ на помощь Бога поставляемъ въ преграду ему войска *Наши*, кипящіе мужествомъ попрать, опрокинуть его, и то, что остается не истребленнаго, согнать съ лица земли *Нашей*. Мы полагаемъ на силу и крѣпость ихъ твердую надежду, но не можемъ и не должны скрывать отъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, что собранные имъ разнодержавныя силы велики, и что отважность его требуетъ неусыпнаго противъ нее бодрствованія. Сего ради при всей твердой надеждѣ на храброе Наше воинство полагаемъ *Мы* за необходимо нужное собрать внутри Государства новыя силы, которыя нанося новый ужасъ врагу составляли бы вторую ограду въ подкрѣпленіе первой и въ защиту домовъ, женъ и дѣтей каждаго и всѣхъ.

Мы уже воззвали къ первопрестольному граду *Нашему* Москвѣ, а нынѣ взываемъ ко всѣмъ *Нашимъ* вѣрноподданнымъ, ко всѣмъ сословіямъ и состояніямъ духовнымъ и мірскимъ, приглашая ихъ вмѣстѣ съ Нами единодушнымъ и общимъ возстаніемъ содѣйствовать противу всѣхъ вражескихъ замысловъ и покушеній. Да найдетъ онъ на каждомъ шагѣ вѣрныхъ сыновъ Россіи, поражающихъ его всѣми средствами и силами, не внимая никакимъ его лукавствамъ и обманамъ. Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина. Благородное дворянское сословіе! Ты во всѣ времена было спасителемъ отчества! Святѣйшій Синодъ и духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали Благодать на главу Россіи; народъ русскій! Храброе потомство храбрыхъ славянъ! Ты неоднократно сокрушалъ зубы устремившихся на тебя львовъ и тигровъ;

соединитесь всѣ: со крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ.

Для первоначальнаго составленія предназначаемыхъ силъ представляется во всѣхъ губерніяхъ дворянству сводить поставляемыхъ ими для защиты отечества людей, избирая изъ среды самихъ себя начальника надъ оными, и давая о числѣ ихъ знать въ Москву, гдѣ избранъ будетъ Главный надъ всѣми Предводитель.

Въ лагерѣ близъ Полоцка 1812 года, іюля 6 дня.

На подлинномъ собственной *Его Императорскаго Величества* рукою подписано тако:

АЛЕКСАНДРЪ.

Печатанъ въ С.-Петербургѣ при Сенатѣ, іюля 10 дня, 1812 годъ.

Манифестъ этотъ былъ посланъ съ курьеромъ и въ Казанской губерніи полученъ 18-го іюля. Казанскій гражданскій губернаторъ *Мансуровъ* отправилъ немедленно два экземпляра манифеста къ преосвященному, который отъ своего лица пожертвовалъ 2. 000 рублей и этимъ положилъ начало дальнѣйшимъ пожертвованіямъ. Директоръ Казанской первой гимназіи *Яковкинъ* перевелъ Манифестъ на татарскій языкъ. Было отпечатано 200 экземпляровъ и разослано по всей губерніи. 21 числа состоялось собраніе Казанскаго дворянства и губернаторъ обратился къ нему съ слѣдующей рѣчью.

„Можетъ ли кто усомниться, что содержаніе Манифеста, являя почтенному сословію дворянъ совершенную довѣренность и живую на него надежду Августѣйшаго нашего Государя Императора, открываетъ ему вмѣстѣ съ симъ и живое поприще къ славѣ Его въ спасеніи Вѣры, Престола и Отечества?! Можетъ ли что нибудь быть священное полной довѣренности Монарха въ призываніи дворянства къ общему съ нимъ противъ враговъ содѣйствію изъявленной... Нѣтъ въ Манифестѣ никакихъ назначеній, данной ему отъ Бога властью опредѣляемыхъ, единый примѣръ князя Пожарскаго представился ему довлѣющимъ къ возбужденію въ сердцахъ вашихъ неограниченнаго стремленія къ составу ополченія, соразмѣрнымъ предметамъ его“.

Казанское дворянство отъ 82,000 душъ дало 3, 280 ратниковъ. въ томъ числѣ 280 конныхъ, приняло на себя снабженіе ихъ оружіемъ и одеждой, а также и содержаніе ихъ на все время существованія ополченія. Начальникомъ опол-

ченія былъ избранъ артиллерійскій генералъ-маіоръ *Булыгинъ*, который самъ вызвался служить въ составѣ ополченія. Послѣ Булыгина, явившагося начальникомъ при формированіи ополченія—командованіе Казанскими полками перешло къ генералу-лейтенанту *Муромцеву* и наконецъ къ генералу-маіору *Гурьеву*. Запись дворянъ въ полки шла очень успѣшно. Въ Казанскомъ университетѣ стали учить студентовъ фронтовой службѣ, дабы они были всегда готовы, на случай надобности, вступить въ ополченіе. Высочайшимъ рескриптомъ предписано было дворянству Казанской, Пермской и Оренбургской губерній обмундировать 2-ой Костромской полкъ.

Несмотря на то, что въ Пермской и Оренбургской губерніяхъ ревизскихъ душъ было больше—Казанское дворянство пожертвовало щедрѣе: всего 58,000 рублей. Къ сожалѣнію настоящими данными исчерпывается почти все существенное, что удалось извлечь изъ сохранившихся бумагъ, такъ какъ мѣстныхъ документовъ по данному вопросу въ Казанскихъ архивахъ не сохранилось: всѣ дѣла архивовъ губернскаго правленія и дворянскаго депутатскаго собранія сгорѣли во время случившагося пожара.

Казанское ополченіе состояло изъ одного пѣшаго полка и одного батальона конныхъ казаковъ. Соединившись съ Вятскимъ ополченіемъ, оно поступило подъ верховное начальство командующаго третьимъ округомъ *графа Толстого*, коему, за исключеніемъ 3 го учебнаго батальона въ Казани, подчинены были всѣ войска, квартировавшія въ губерніяхъ этого округа. Въ ноябрѣ Казанское ополченіе, вмѣстѣ съ другими ополченіями третьяго округа, было двинуто въ Малороссійскія губерніи черезъ Муромъ, Рязань, Орелъ и Глуховъ, а въ декабрѣ вслѣдствіе Высочайшаго указа отъ 8 декабря 1812 года, направилось въ Волынскую губернію. По словамъ В. Г. Апухтина въ исторіи Казанскаго ополченія мы видимъ во-первыхъ: единодушный и горячій отзывъ Казанскаго дворянства на обращеніе къ нему Государя; во вторыхъ кропотливую работу: обученіе ратниковъ, вооруженіе ихъ и, наконецъ, медленное передвиженіе все далѣе и далѣе отъ родной губерніи. Наибольшей яркости и красочности эта исторія достигаетъ въ 1813 году, когда *казанцы храбро сражаясь подъ Дрезденомъ получили первое боевое крещеніе, и вписали свое славное имя въ безсмертныя страницы отечественной войны.*

Приложеніе I.

Должностныя лица и г.г. офицеры, служившіе въ Казанскомъ ополченіи 1812 года.

Гражданскій губернаторъ, г. *Мансуровъ.*

Губернскій предводитель дворянства. *Ф. Ф. Геркенъ.*

Начальникъ ополченія третьяго округа генер.-лейтен. *графъ П. А. Толстой.*

Начальникъ ополченія при составленіи полковъ генер.-маіоръ *Булыгинъ*, потомъ генер.-лейт. *Муромцевъ* и послѣ него ген.-маіоръ *Гурьевъ.*

2-й конной сотни.

Маіоръ *Л. С. Григоровичъ*; поруч. *П. П. Бѣлявинъ*, прапор. *С. М. Есиповъ*

I пѣхотнаго полка.

Подполковники: Н. Н. Чичаговъ, А. П. Селивановъ.

Маіоръ: А. В. Бутлеровъ.

Капитаны: И. А. Ростовцевъ, С. А. Бирюковъ, Д. И. Неѣловъ.

Штабсъ-капитаны: А. А. Ивановъ, Е. И. Барановъ, В. А. Груберъ.

Поручики: Н. Ф. Бланкъ, Н. Ф. Ильинъ, П. П. Гавриловъ, В. И. Гразовъ, А. И. Золотаревъ, К. П. Власьевъ, И. А. Комаровъ, И. Н. Товарищевъ. Ф. Т. Суровъ, П. П. Глазатой, М. П. Зиновьевъ, В. И. Глазовъ.

Подпоручики: К. А. Ивановъ, А. Г. Ларіоновъ, К. I. Суворовъ, Н. П. Озерецковскій, А. В. Кушниковъ, Н. Ф. Кузнецовъ, А. И. Демертъ, И. Л. Сырчинъ, П. В. Аристовъ, князь Ф. И. Балашовъ, Б. И. Рыбушкинъ, Н. С. Пановъ, А. Ф. Павловъ, Т. В. Марьевъ, Д. С. Селиверстовъ.

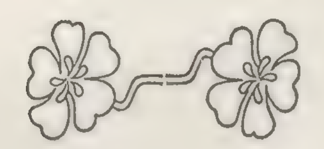
Прапорщики: А. М. Сахацкой. Н. Я. Халютинъ, В. П. Елагинъ, И. С. Дакишевичъ, А. М. Забѣлинъ, А. И. Каракозовъ, И И. Янчевскій. М. В. Матвѣевъ, В. А. Овсянниковъ, П. С. Грозной, Г. Н. Одинцовъ, И. М. Михайловъ. И. Т. Летиславскій.

Приложенiе II.

Слова Императора Александра I изъ Всемилостивѣйшихъ Манифестовъ отъ 6-го iюля и 3-го ноября 1812 года.

„... Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ Дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина. Благородное дворянское сословiе! Ты во всѣ времена было спасителемъ Отечества! Святѣйшiй Синодъ и Духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на Главу Россiи; Народъ Русскiй! храброе потомство храбрыхъ славянъ! Ты неоднократно сокрушалъ зубы устремившихся на тебя львовъ и тигровъ; соединитесь всѣ: со крестомъ въ сердцѣ и съ оружiемъ въ рукахъ никакiя силы человѣческiя васъ не одолѣютъ!...“

„... Знаменитое Дворянство не пощадило ничего къ умноженiю государственныхъ силъ. Почтенное купечество ознаменовало себя всякаго рода пожертвованiями. Вѣрный народъ, мѣщанство и крестьяне показали такiе опыты вѣрности и любви къ отечеству, какiе одному только русскому народу свойственны. Они вступая охотно и добровольно въ ополченiя, въ самомъ скоромъ времени собранные, явили въ себѣ мужество и крѣпость прiученныхъ къ бранямъ воиновъ. Твердая грудь ихъ и смѣлая рука съ такой же неустрашимостью расторгала полки непрiятеля, съ какой, за нѣсколько передъ тѣмъ недѣль, раздирала плугомъ поля....“

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. С. ПУШКИНА и М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

посвященныя Отечественной войнѣ.

Наполеонъ.

Чудесный жребій совершился:
Угасъ великій человѣкъ.
Въ неволѣ мрачной закатился
Наполеона грозный вѣкъ.
Исчезъ властитель осужденный,
Могучій баловень побѣдъ...
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настаетъ.

О ты, чьей памятью кровавой
Міръ долго, долго будетъ полнъ,
Пріосѣненъ твоею славой,
Почій среди пустынныхъ волнъ!
Великолѣпная могила. .
Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почила,
И лучъ безсмертія горитъ.

Давно-ль орлы твои летали
Надъ обезславленной землей?
Давно-ли царства упадали
При громахъ силы роковой?
Послушны волѣ своенравной
Бѣдой шумѣли знамена,
И налагалъ яремъ державный
Ты на земныя племена.

Когда надеждой озаренный,
Отъ рабства пробудился міръ,
И галлъ десницей разъяренной
Низвергнулъ ветхій свой кумиръ;
Когда на площади мятежной
Во прахѣ царскій трупъ лежалъ,
И день великій, неизбѣжный
Свободы яркій день вставалъ—

Тогда, въ волненьи бурь народныхъ,
Предвидя чудный свой удѣлъ,
Въ его надеждахъ благородныхъ
Ты человѣчество презрѣлъ.

Въ свое погибельное счастье
Ты дерзкой вѣровалъ душой;
Тебя плѣнило самовластье
Разочарованной красой.
И обновленнаго народа
Ты буйность юную смирилъ:
Новорожденная свобода,
Вдругъ онѣмѣвъ, лишилась силъ.
Среди рабовъ до упоенья
Ты жажду власти утолилъ,
Помчалъ къ боямъ ихъ ополченья,
Ихъ цѣпи лаврами обвилъ.
И Франція, добыча славы,
Плѣненный устремила взоръ,
Забывъ надежды величавы,
На свой блистательный позоръ.
Ты велъ мечи на пиръ обильный;
Все пало съ шумомъ предъ тобой:
Европа гибла; сонъ могильный
Носился надъ главой.
Сбылось! Въ величіи постыдномъ
Ступилъ на грудь ея колоссъ!
Тильзитъ—при звукѣ семъ обидномъ
Теперь не поблѣднѣетъ россъ—
Тильзитъ надменнаго героя
Послѣдней славою вѣнчалъ,
Но скучный миръ, но хладъ покоя
Счастливца душу волновалъ.
Надменный, кто тебя подвигнулъ?
Кто обуялъ твой дивный умъ?
Какъ сердца русскихъ не постигнулъ
Ты съ высоты отважныхъ думъ?
Великодушнаго пожара
Не предузнавъ, ужъ ты мечталъ,
Что мира вновь мы ждемъ, какъ дара;
Но поздно русскихъ разгадалъ...
Россія, бранная царица,
Воспомни древнія права!
Померкни, солнце Австерлица!
Пылай, великая Москва!
Настали времена другія:
Исчезни краткій нашъ позоръ!
Благослови Москву, Россія!
Война: по гробъ нашъ договоръ.

Оцѣпенѣлыми руками
Схвативъ желѣзный свой вѣнецъ,
Онъ бездну видитъ предъ очами,
Онъ гибнетъ, гибнетъ наконецъ.

Бѣжатъ Европы ополченья...
Окровавленные снѣга
Провозгласили ихъ паденье,
И таетъ съ ними слѣдъ врага.
И все, какъ буря, закипѣло;
Европа свой расторгла плѣнъ:
Во слѣдъ тирану полетѣло,
Какъ громъ, проклятіе племенъ.
И длань народной Немезиды
Подъяту видитъ великанъ,
И до послѣдней всѣ обиды
Отплачены тебѣ, тиранъ!
Искуплены его стяжанья
И зло воинственныхъ чудесъ
Тоскою душнаго изгнанья,
Подъ сѣнью чуждою небесъ.
И знойный островъ заточенья
Полнощный парусъ посѣтитъ,
И спутникъ слово примиренья
На ономъ камнѣ начертитъ,
Гдѣ, устремивъ на волны очи,
Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей,
И льдистый ужасъ полуночи,
И небо Франціи своей;
Гдѣ иногда, въ своей пустынѣ
Забывъ войну, потомство, тронъ,
Одинъ, одинъ, о миломъ сынѣ
Въ уныньи горькомъ думалъ онъ.
Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь!
Хвала!... Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

А. С. Пушкинъ.

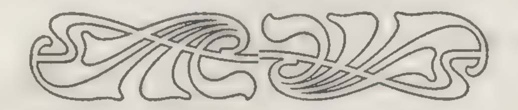
Бородинская годовщина.

Великій день Бородина.
Мы братской тризной поминая,
Твердили: „шли же племена,
Бѣдой Россіи угрожая;
Не вся-ль Европа тутъ была?
А чья звѣзда ее вела!....
Но стали-жъ мы пятою твердой

И грудью приняли напоръ
Племенъ, послушныхъ волѣ гордой,—
И равенъ былъ неравный споръ.
„И чтожъ? Свой бѣдственный побѣгъ
Кичась они забыли нынѣ;
Забыли русскій штыкъ и снѣгъ,
Погребшій славу ихъ въ пустынѣ.
Знакомый пиръ ихъ манитъ вновь—
Хмѣльна для нихъ славяновъ кровь;
Но тяжко будетъ имъ похмѣлье,
Но дологъ будетъ сонъ гостей
На тѣсномъ, хладномъ новосельѣ,
Подъ злакомъ сѣверныхъ полей!
„Ступайте-жъ къ намъ: васъ Русь зоветъ!
Но знайте, прошеные гости.
Ужъ Польша васъ не поведетъ:
Черезъ ея шагнете кости.
Сбылось—и въ день Бородина
Вновь наши вторглись знамена
Въ проломы падшей вновь Варшавы;
И Польша, какъ бѣгущій полкъ,
Во прахъ бросаетъ стягъ кровавый—
И бунтъ раздавленный умолкъ.
Въ бореньи падшій невредимъ:
Враговъ мы въ прахѣ не топтали;
Мы не напомнимъ нынѣ имъ
Того, что старыя скрижали
Хранятъ въ преданіяхъ нѣмыхъ;
Мы не сожжемъ Варшавы ихъ;
Они народной Немезиды
Не узрятъ гнѣвнаго лица.
И не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры русскаго пѣвца.
Но вы, мучители палатъ,
Легкоязычные витіи,
Вы, черни бѣдственный набатъ,
Клеветники, враги Россіи!
Что взяли вы?... Еще-ли россъ—
Больной, разслабленный колоссъ?
Еще-ли сѣверная слава—
Пустая притча, лживый сонъ?
Скажите: скоро-ль намъ Варшава
Предпишетъ гордый свой законъ?
Куда отдвинемъ строй твердынь?
За Бугъ до Ворсклы, до Лимана?
За кѣмъ останется Волынь?
За кѣмъ наслѣдіе Богдана?
Признавъ мятежныя права,

От҄ъ нас҄ъ отторгнется-ль Литва?
Нашъ Кіевъ дряхлый, златоглавый,
Сей пращуръ русскихъ городовъ,
Сроднитъ-ли съ буйною Варшавой
Святыню всѣхъ своихъ гробовъ?
Вашъ бурный шумъ и хриплый крикъ
Смутили-ль русскаго владыку?
Скажите, кто главой поникъ?
Кому вѣнецъ: мечу иль крику?
Сильна-ли Русь?—Война и моръ,
И бунтъ, и внѣшнихъ бурь напоръ
Ее, бѣснуясь, потрясали—
Смотрите-жъ: все стоитъ она!
А вкругъ нея волненья пали—
И Польши участь рѣшена...
Побѣда! сердцу сладкій часъ!
Россія, встань и возвышайся!
Греми восторговъ общій гласъ!...
Но тише, тише раздавайся
Вокругъ одра, гдѣ онъ лежитъ,
Могучій мститель злыхъ обидъ,
Кто покорилъ вершины Тавра,
Предъ кѣмъ смирилась Эривань,
Кому Суворовскаго лавра
Вѣнокъ сплела тройная брань.
Возставъ изъ гроба своего,
Суворовъ видитъ плѣнъ Варшавы;
Вострепетала тѣнь его
Отъ блеска имъ начатой славы!
Благословляетъ онъ, герой,
Твое страданье, твой покой,
Твоихъ сподвижниковъ отвагу,
И вѣсть тріумфа твоего,
И съ ней летящаго за Прагу
Младаго внука своего.

А. С. Пушкинъ.

Полководецъ.

(Барклай де Толли).

У русскаго царя въ чертогахъ есть палата:
Она не золотомъ, не бархатомъ богата,
Не въ ней алмазъ вѣнца хранится за стекломъ;
Но сверху до низу, во всю длину кругомъ,
Своею кистію свободной и широкой
Ее разрисовалъ художникъ быстроокій.

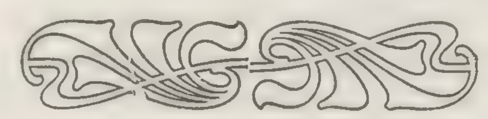
Тутъ нѣтъ ни сельскихъ нимфъ, ни дѣвственныхъ мадонъ,
Ни фавновъ съ чашами, ни полногрудныхъ женъ,
Ни плясокъ, ни охотъ: а все плащи, да шпаги,
Да лица, полныя воинственной отваги.
Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ
Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,
Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.
Нерѣдко медленно межъ ними я брожу
И на знакомые ихъ образы гляжу,
И, мнится, слышу ихъ воинственные клики.
Изъ нихъ ужъ многихъ нѣтъ; другіе, коихъ лики
Еще такъ молоды на яркомъ полотнѣ,
Уже состарились и никнутъ въ тишинѣ
Главою лавровой.
Но въ сей толпѣ суровой
Одинъ меня влечетъ всѣхъ больше. Съ думой новой
Всегда останавлюсь передъ нимъ и не свожу
Съ него моихъ очей. Чѣмъ далѣе гляжу,
Тѣмъ болѣе томимъ я грустію тяжелой.
Онъ писанъ во весь ростъ. Чело, какъ черепъ голый
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Тамъ грусть великая. Кругомъ—густая мгла;
За нимъ—военный станъ. Спокойный и угрюмый,
Онъ, кажется, глядитъ съ презрительною думой.
Свою ли точно мысль художникъ обнажилъ,
Когда онъ таковымъ его изобразилъ,
Или невольное то было вдохновенье—
Но Доу далъ ему такое выраженье.
О вождь несчастливый! суровъ былъ жребій твой:
Все въ жертву ты принесъ землѣ тебѣ чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
Въ молчаньи шелъ одинъ ты съ мыслію великой;
И въ имени твоемъ звукъ чуждый не взлюбя.
Своими криками преслѣдуя тебя,
Народъ таинственно спасаемый тобою,
Ругался надъ твоей священной сѣдиною,
И тотъ, чей острый умъ тебя и постигалъ,
Въ угоду имъ тебя лукаво порицалъ...
И долго укрѣпленъ могучимъ убѣжденьемъ,
Ты былъ неколебимъ предъ общимъ заблужденьемъ;
И на полупути былъ долженъ, наконецъ,
Безмолвно уступить и лавровый вѣнецъ,
И власть, и замыселъ, обдуманный глубоко,
И въ полковыхъ рядахъ сокрыться одиноко.
Тамъ, устарѣлый вождь какъ ратникъ молодой,

Свинца веселый свистъ заслышавши впервой,
Бросался ты въ огонь, ища желанной смерти,—
Вотще!—

. . . .

О люди! жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха!
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньѣ.
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье!

А. С. Пушкинъ.

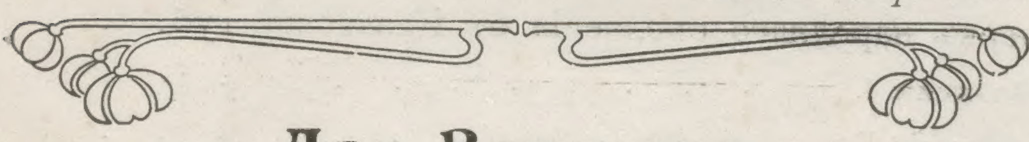
Бородино.

„Скажи ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были жъ схватки боевыя?
Да, Говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!
— Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали бъ Москвы!
Мы долго, молча, отступали.
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
„Что жъ мы? На зимнія квартиры?
Не смѣютъ что ли командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки?“
И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на полѣ?
Построили редутъ.
У нашихъ ушки на макушкѣ
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки—
Французы тутъ-какъ-тутъ.
Забилъ зарядъ я въ пушку туго,
И думалъ угощу я друга!
Постой-ка, братъ мусью!

Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою;
Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!
Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.
Что толку въ этакой бездѣлкѣ?
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
„Пора добраться до картечи!"
И вотъ на поле грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.
Прилегъ вздремнуть я у лафета,
И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликовалъ французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.
И только небо засвѣтилось—
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ:
Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да, жаль его: сраженъ булатомъ,
Онъ спитъ въ землѣ сырой.
И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
„Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте жъ подъ Моской,
Какъ наши братья умирали!"
– И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой
Ну-жъ былъ денекъ!... Сквозь дымъ летучій
Французы двинулись, какъ тучи,
И все на нашъ редутъ.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами—
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.
Вамъ не видать такихъ сраженій!..
Носились знамена, какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.
Извѣдалъ врагъ въ тотъ день немало,
Что значитъ русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой!

Земля тряслась, какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди;
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой...
Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый
И до конца стоять...
Вотъ затрещали барабаны—
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.
Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри -не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Когда бъ на то не Божья воля,
Не отдали бъ Москвы!

М. Ю. Лермонтовъ.

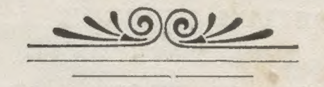
Два Великана.

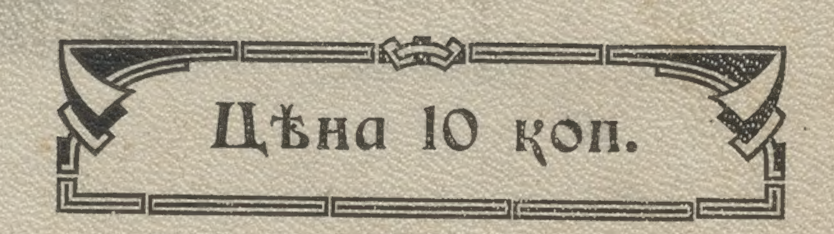
Въ шапкѣ золота литаго
Старый русскій великанъ
Поджидалъ къ себѣ другаго
Изъ далекихъ чуждыхъ странъ.
За горами, за долами
Ужъ гремѣлъ о немъ разсказъ,
И помѣряться главами
Захотѣлось имъ хоть разъ.
И пришелъ съ грозой военной
Трехнедѣльный удалецъ,
И рукою дерзновенной
Хвать за вражскій вѣнецъ.
Но улыбкой роковою
Русскій витязь отвѣчалъ—
Посмотрѣлъ, тряхнулъ главою:
Ахнулъ дерзкій—и упалъ...
Но упалъ онъ въ дальнемъ морѣ
На невѣдомый гранитъ,
Тамъ, гдѣ буря на просторѣ
Надъ пучиною шумитъ.

М. Ю. Лермонтовъ.

Оглавленіе.

Цѣна 10 коп.